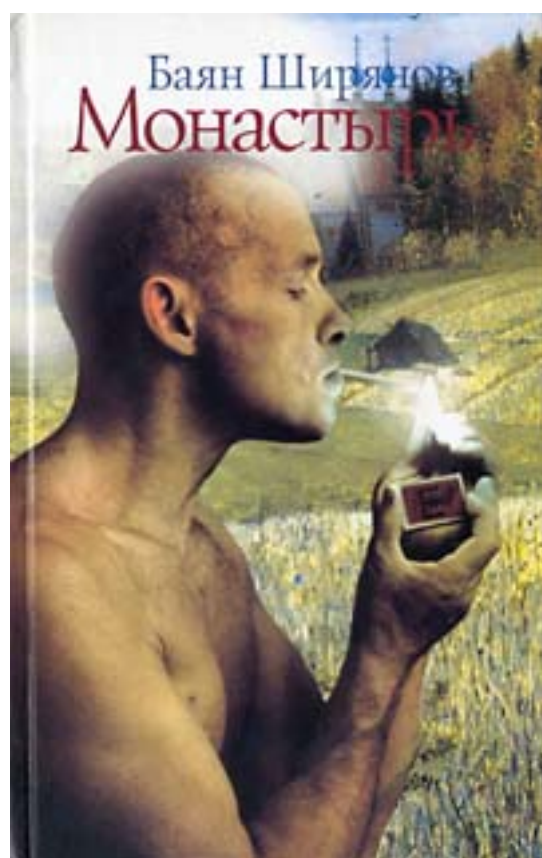

Баян Ширянов

Монастырь

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150999
Монастырь: Эксмо, Зебра Е.,; Москва; 2002
ISBN 5-94663-035-3

Аннотация

«...Наверное, в том, что обитель удалившихся от суетного мира стала служить застенком, был какой-то высший смысл. И там и здесь людей изолировали от общества, ограничивали во всём и лишь мысли их не были подвержены строгой цензуре. И монахи, и зеки должны были работать, чтобы поддерживать своё существование. Одни, правда, лелея надежду на скорейшее освобождение, а другие зная, что лишь смерть принесёт им свободу от того, что их окружает, и перенесёт в царствие небесное. Но для зеков рай находился на земле. Начинался он сразу за монастырской стеной, и название имел не такое впечатляющее, на первый взгляд. Раем для зеков была воля...»

Содержание

ГЛАВА 1. Утро с трупом.	4
1. Прапора.	4
2. ДПНК и кум.	7
3. Зеки и Куль.	8
4. Кум и стукачи.	12
5. Воспоминания Кулина.	17
6. Хозяин.	24
ГЛАВА 2. Ночные вопли.	27
1. Дачница	27
2. Кум и лепила.	31
3. Завхоз на разборках.	35
4. Шмон в 8-м отряде.	39
5. Кум и Сапрунов.	43
6. Возвращение в лагерь.	47
7. Ужин, базары блатных.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Баян Ширянов

Монастырь

ГЛАВА 1. Утро с трупом.

1. Прапора.

Во втором часу ночи появились клочья тумана. А к четырём – плотная белёсая пелена накрыла двор старого монастыря. Лучи двух мощных прожекторов, которые должны были освещать монастырский двор, вязли в тумане, выхватывая из мглы лишь небольшие островки света.

Вертухай давно закончили свой ночной обход, сосчитали количество зеков, загнали в койки почитателей однополой любви и поклонников чифиря, и теперь кто спал, кто резался в отобранные у преступников карты на вахте, краем уха вслушиваясь в неестественную тишину. Но всё, казалось, погрузилось в покойное благодушие. Лишь изредка, глухо, как из колодца, доносился визг циркулярной пилы: на промке вкалывала ночная смена зеков.

Прапорщик Синичкин, по прозвищу Синяк, пытался заснуть. Третьи сутки прапорщик маялся с больным зубом. В зеркале, когда Синяк открывал рот, оттягивая пальцем губу, была видна огромная чёрная дыра в коренном. Её окружала лишь тоненькая ниточка здоровой ткани. Это удручало Синичкина, и он прибегал к народному обезболивающему – водке. Но спиртное уже не помогало, возбуждая лишь безысходную жалость к самому себе, и откладывать визит к зубному было уже нельзя.

Синяк ворочался с бока на бок, накрывался с головой шинелью, стараясь хоть так заглушить пьяные крики игроков и своё, уже начинающееся похмелье. Но сон не шёл.

К кому-то пришла десятка с тузом, и это вызвало такие бурные восторги с одной стороны и возмущённые вопли с другой, что Синичкин вскочил.

– Сволочи! Дадите вы мне поспать, пьяные рожи?!

– А чо ты спать завалился? – Прапорщик, которого все звали Черпак, подал голову назад так, что у него появился двойной подбородок, и улыбнулся половиной рта. – Нам спать не положено – преступник сбежит.

– Во, во, – Поддакнул ещё один вертухай, прапорщик Автандилов, не забывая при этом тасовать лохматую колоду, – Пасматри пагод какой! Нэ выдно куда пысаешь!

– Не отрывайся от коллектива, присоединяйся. – Миролубиво предложил Черпак, косясь на ставшее одутловатым лицо Синичкина. – Всё быстрее дежурство отмотаем...

Флюс прапорщика первые дни вызывал усмешки, как и его желание насколько возможно оттянуть визит к врачу. Некоторые предлагали Синяку свои услуги, многозначительно потирая кулаки. Один такой шутник, Ваня, присоседившийся к Черпаку, сиял свежим фингалом и, избегая смотреть на Синичкина, угрюмо молчал, изредка прикасаясь к заплывшему глазу.

– Да пошли вы все!.. – Махнул рукой Синяк, и вышел из дежурки.

В «аквариуме», перед кнопкой, открывающей дверь в зону, храпел стриженный первогдка срочник. Прапорщик с силой стукнул по железной двери, солдат дёрнулся, едва не свалившись со стула, но успел за что-то зацепиться и, вскочив, заморгал красными невыспатыми глазами.

– Ты у меня поспи тут! – Рывкнул Синяк. – Открывай!

Солдат нажал кнопку, замок щёлкнул, вынимая три толстых штыря из двери. Потянув её на себя, прапорщик, бросив ещё один суровый взгляд на срочника, вошёл в зону.

«Надо не забыть вклеить этому салаге пару нарядов...» – Думал Синяк, плывя сквозь туман. Территорию зоны-монастыря он знал наизусть. Мог прийти в любой её угол с завязанными глазами, но сейчас, в тумане, всё смешалось. Прапорщик брёл наугад, подгоняемый болью, пока не упёрся в решётку локалки.

Внезапно он поёжился. Шестым, или, даже, седьмым, чувством, Синяк понял: что-то не так, где-то притаилась опасность. Объяснить это ощущение прапорщик не мог, но за годы службы научился вычленять его из потока других. Несколько раз это спасало ему жизнь.

Вот так же, как сейчас, несколько лет назад поджался его живот, выгнулась спина, взгляд застыл на одной точке, причём Синичкин мог бы поклясться, что при этом видел даже то, что творилось за его спиной. Тогда оттуда, со спины, на него набросился зек с заточкой, но Синяк, в повороте, успел перехватить руку с полоской острой стали, на которой виднелись несточенные зубья ножовочного полотна, и так врезал преступнику локтем по незащищённой шее, что тот моментально отключился.

Чувствуя непонятно откуда исходящую угрозу, прапорщик, не отпуская прут локалки, медленно повернулся. Но в тумане ничего не было видно, никакого даже намёка на чьё-то движение.

Вдруг Синяк понял, что его пальцы словно слегка прилипли к металлическому прутку ограды, словно тот был намазан чем-то сладким.

«Странно, – Подумал Синичкин, – Вроде, не красили... Или это зеки созоровали?..»

Поднеся ладонь к глазам, прапорщик увидел, что она испачкана чет-то тёмным. И тут, наконец, Синяк понял, что его насторожило. Запах!

Тут пахло смертью. Это был тот самый, сладковатый запах крови, который витал над исправительной колонией после подавления зековских бунтов. Тогда он просачивался всюду, чувствовался даже за толстенной внешней стеной монастыря, был ядрёным, приторным. Он исходил от десятков неподвижных тел расстрелянных преступников, которые любой ценой пытались вырваться на свободу.

Сейчас повисший в тумане аромат крови был слабее, но от этого ощущался не менее отчётливо.

Подняв голову, сквозь белёсую мглу, Синяк увидел, что на островерхах прутьях, метрах в трёх над землёй, находится что-то большое и тёмное.

Труп.

Прапорщик не захватил с собой фонаря, но и без него было ясно, что там, наверху, висит зек, нанизанный сразу на несколько штырей.

Ещё раз оглядевшись, и никого не заметив, Синяк помчался на вахту. Солдат в «аквариуме» не спал. Он сразу, едва завидев прапорщика, не дожидаясь стука, открыл дверь, успев про себя удивиться выражению злобной отрешённости на перекошенной физиономии Синяка.

Ворвавшись в дежурку, прапорщик хотел было заорать, выгнать всё это сонное быдло на плац, но вместо этого схватился за щеку и прислонился к дверному косяку. Зуб прострелило. От внезапной боли по обветренному лицу Синяка потекли слёзы.

– Эй, да ты чего? – Встал Автандилов.

Но Синичкин не мог ничего сказать. Он лишь мотал головой, размазывая по щеке чужую кровь.

– Преступник парэзал? Да? Ты скажи гдэ, да?!

Теперь уже все заметили кровавые полосы на лице прапорщика.

– Что случилось? – Черпак отложил свою сдачу карт на стол, рубашками кверху, налил пол стакана водки и в два шага оказался около мычащего Синяка.

– Выпей!

Трясущейся рукой Синичкин принял стакан. С секунду рассматривал его затуманенным болью взглядом, затем одним глотком влил в себя обжигающую жидкость. Лишь после этого он смог проговорить:

– Трупак. На кольях...

– Что?! – Черпак невольно отступил, столкнулся с Ваней, но на ногах удержался. Как на старшего наряда, на Черпака ложилась ответственность за все ЧП, которые могли случиться во время его смены.

– Где? Иди, показывай!

– Да пшёл, ты... – На мгновение ослабшая боль принялась терзать Синяка с новой силой и он просто сполз по косяку и оказался сидящим на корточках. – Сам найдёшь... У второй локалки... У-у-у... – Лицо прапорщика опять перекорёжило.

– Ну, ладно... – С угрозой в голосе пробормотал Черпак, но Синичкину на это было наплевать, все его мысли вращались вокруг растущей пещеры в собственном зубе.

– Ладно. – Повторил Черпак уже с другой интонацией. – Ваня, ты собери кума, лепилу и ДПНК. Автандил! За мной!

– Слюшаюсь!.. – Вздыхнул прапорщик Автандилов спине убегающего Черпака.

2. ДПНК и кум.

Начало светать и туман почти рассеялся. От него остались лишь редкие, парящие в воздухе хлопья, похожие на лохматые обрывки канатов.

Труп заключённого пока ещё висел. Тело его оказалось проткнуто сразу четырьмя штырями, лицо мертвеца было обращено к небу. Одна из его рук застряла между прутьями и казалось, что жмурик просто отдыхает, чтобы потом, напрячься, сделать последнее усилие, и соскочить с ограды.

– Как это его угораздило? – Тощий начальник оперативной части, по-зековски кум, майор Лакшин, ходил кругами, осматривая место происшествия. – С крыши? Очень похоже... – Ответил он сам себе.

– Да, потом всё это можно? – Нетерпеливо переминался с ноги на ногу ДПНК, майор Семёнов. – Думай, давай, чего делать-то!

– А чего долго думать? – Удивился Лакшин, разглядывая ДПНК, словно видел того, максимум, второй раз в жизни. – Снять его по быстрому. Решку вымыть. И чтоб никаких следов...

– Ты думаешь, его никто не видел? – Ехидно спросил Семёнов.

– А если и видел? – Пожал плечами Лакшин, – Осужденный в побег собрался. Залез на крышу, оступился, и вот он... – Кум махнул рукой в сторону труп.

– Ну, это для начальства... – Недовольно скривился Семёнов. – Кстати, Михаил Яковлевич, мёртв он давно? – Обратился ДПНК к начальнику медчасти, капитану Поскрёбышеву.

– Часов несколько... Судя по крови... – Пожал плечами медик, – Точнее не скажешь. Экспертиза нужна.

– Когда мы ходили – все были на местах... По счёту... – Встрял в разговор начальства ошивавшийся поблизости Черпак.

– Все по счёту... – Передразнил майор Семёнов. – Давай, бери кого хочешь, чтоб через пять минут тут никто не болтался...

Прапорщик исчез, а ДПНК хмуро посмотрел на Лакшина.

– Вот что... – Наконец проговорил Семёнов, пристально разглядывая асфальт у себя под ногами, – Носом землю рой, а чтоб к вечеру я всё знал! Ясно?

– Самому любопытно... Вроде побегушников не намечалось...

– Это я и так знаю... – Поморщился ДПНК. – Короче, всех дятлов своих протряси! Блатных! Кто там у тебя ещё в кукушках ходит?.. Понял!? А я, – Добавил Семенов так тихо, что слышать его мог только Лакшин, – в то что это бегунок – не верю. Хоть режь...

Мне правда нужна... Правда!..

И ДПНК майор Василий Семёнович Семёнов грузно затопал к вахте.

3. Зеки и Куль.

Над старым монастырём, превращённым в исправительную колонию, проплывало однотонное серое утреннее небо. Воздух, наполненный мелкой водяной пылью, заполнял слабые зековские лёгкие, заставлял перхоть, придавал первой сигарете мерзкий прелый вкус.

Наверное, в том, что обитель удалившихся от суетного мира стала служить застенком, был какой-то высший смысл. И там и здесь людей изолировали от общества, ограничивали во всём и лишь мысли их не были подвержены строгой цензуре. И монахи, и зеки должны были работать, чтобы поддерживать своё существование. Одни, правда, лелея надежду на скорейшее освобождение, а другие зная, что лишь смерть принесёт им свободу от того, что их окружает и перенесёт в царствие небесное. Но для зеков рай находился на земле. Начинаясь он сразу за монастырской стеной, и название имел не такое впечатляющее, на первый взгляд. Раем для зеков была воля.

Об этом размышлял бесконвойник Куль. Он, свежесбривший собственным «Харьковом», умытый и пахнущий хвойным мылом, сидел на корточках, прислонившись к кирпичной стене своего барака. Стена за ночь промёрзла и холодила спину даже сквозь толстый свитер и телогрейку.

Впрочем, бараком это здание называли лишь по какой-то странной привычке. Раз живут там зеки – значит – барак. На самом деле это было монументальное четырёхэтажное сооружение, изогнутое буквой «П». Осужденные, правда, занимали только три нижних этажа. Четвёртый возвышался над крепостной стеной настолько, что из его окон можно было увидеть волю. Администрация колонии не могла позволить своим подопечным такой роскоши и последний этаж, раз и навсегда, был наглухо замурован.

Нынешний хозяин зоны попытался найти пустующим помещениям хоть какое-нибудь применение. Но, после того как несколько входов на последний этаж были расковыряны, их почти сразу обратно заложили кирпичом. Причин этому называлось несколько. Одни утверждали, что хозяина остановили финансовые сложности. На четвёртом этаже он хотел сделать филиал больницы и служебные помещения. Но денег ни на лифты, ни на постройку отдельного, к тому же охраняемого, входа, у лагеря не нашлось. Другие говорили, что тогдашний ДПНК, который проник на закрытую территорию, увидел там такие титанические завалы строительного мусора, вперемежку с застывшими горами бетона, то, что осталось после реорганизации монастыря в зону, что отказался от очистки этих помещений. Третьи, перед тем как сказать, таинственно озирались по сторонам и мрачным шепотом сообщали, что на последнем этаже живут привидения тех, кого замуровали там заживо во время сталинских чисток. Последним, впрочем, веры было больше, чем первым двум. Большинство осужденных, живших на третьем, своими ушами слышали сверху раздающиеся по ночам женские стоны.

Куль же жил сперва на втором, потом, став бесконвойником, поселился на первом, на плохой сон не жаловался и по ночам ничего, кроме разборок между блатными, не слышал.

Окурок «Астры», зажатый между большим и указательным пальцами бесконвойника, исходил густым дымом. Дым тёплыми, почти обжигающими, волнами струился по грубой пожелтевшей коже, покрывая её жирным коричневым налётом.

Рядом с Кулём, у стены, стояли, сидели другие бесконвойники. Курили, завистливо поглядывая на пустующие скамейки, на которых лежали газетные листы с честным предупреждением: «Окрашено».

Какой-то зек, считающий, наверное, себя умнее других, выйдя из здания, сразу направился к скамье, и провёл пальцем по одной из крашенных досок. Вполголоса выругавшись, он медленно пошёл к решетке локалки.

У Куля, впрочем, тоже остался след от непросохшей масляной краски. Сунув сигарету в рот, он затаился, сплюнул приставшие к губам горькие табачные крошки, потом посмотрел на ладонь. Там, частью прорисовывая папиллярные линии, частью покрывая кожу сплошным слоем, было тёмно-зелёное пятно. Куль легонько поскрёб его ногтем. Краска не сколупывалась, она лишь размазывалась и забивалась под ноготь.

«Хорошо, что сначала рукой попробовал... – Лениво думал Куль, – Руку бензином легче отмыть, чем штаны...»

– Кой дурак приказал красить в такую погоду?.. – Пробурчал кто-то стоявший рядом. Подняв голову, Куль узнал Скворца. Осужденного Скворцова, который, по иронии судьбы, которую звали лейтенант Симонов, и которая была начальником первого отряда, к которому была приписана и бригада б/к, работал в «скворечнике», будке посреди плаца, и нажимал кнопки, открывающие замки локалок.

Вопрос так и остался безответным. Все знали, что приказал сам Симонов, которому выездники приволокли ведро украденной в совхозе краски. По одной из версий, дар был не добровольный, просто воры не смогли вовремя толкнуть краску за самогон, за что и поплались, лишившись того и другого.

Симо'на, таким было прозвище отрядника, можно было понять. За ночь краска, хотя и прикрытая импровизированной крышкой, провоняла весь его кабинет, короче, требовала немедленного применения.

Затянувшись в последний раз, Куль встал, бросил окурок на мокрый асфальт, и, с хрустом потянувшись, растёр его сапогом.

– Внимание! – Хрипло пробасил изменённый до неузнаваемости голос. Он шёл из доисторического репродуктора, приваренного на уровне второго этажа, и принадлежал ДПНК, майору Семёнову.

– Внимание. – Повторил репродуктор. – В колонии объявляется подъём! Всем осужденным построиться для проведения утренней зарядки!

Для большинства зарядка в колонии АП 14/3 была пустой формальностью. Заключалась она в том, что зеки, стоя в локалках, слушали ритмичную музыку, которая за годы использования плёнки, превратилась в малопонятный хрип, сквозь который изредка прорывались куски фраз. Длилось это безобразие пять минут, за которые те, кто припозднился с вставанием, могли привести себя в порядок и выбежать на плац до утренней проверки.

Сколько помнил Куль своё пребывание в этом лагере, ДПНК, дежурным помощником начальника колонии, всегда был майор Семёнов. Плотный, лысый, с багровым шрамом на лбу, который получил во время подавления какого-то зековского бунта, майор резвенько косолапил вдоль строя осужденных, останавливаясь лишь для того, чтобы сопровождающие его прапора успели выслушать рапорт шныря, и сверить количество народа в строю и сказанную цифру. Пока прапора считали зеков, майор рыскал глазами по строю, выискивая что-то ему одному ведомое в лицах преступников.

Зарядка кончилась. Пришла пора строиться и пересчитываться.

Замки локалок звонко щелкнули разом, и зеки, не торопясь стали выходить на монастырский двор. Тут же загромыхла бравурная музыка, которая, по мысли замполита, должна была звать зеков на трудовые подвиги. Но зеки не рвались становиться героями и лишь морщились от хриплых будоражащих звуков.

За два с половиной года отсидки Куль стал относиться к жизни более философски. В тюрьме, маясь от безделья, он еще пытался как-то поддерживать суматошный темп московской жизни. Но, изведя два десятка пар синтетических носков и несчетное количество черняжки на разные поделки, Николай поостыл. Приноровившись к безделью, он вставал со шконки только для жратвы, проверок и отжиманий. К картам и нардам Куль относился

спокойно и, если и играл, то лишь, как говорилось на зековском жаргоне, «без интереса», ни на что.

Да и придя на зону, Куль продолжил эту традицию. Он не высовывался зря, за исключением случаев, когда надо было стать безжалостным и всеми силами отстаивать себя, свое место в зековской иерархии, и, хотя пытался создать видимость соблюдения режима, на УДО так и не попал. Зато Хозяин вывел его в бесконвойники. На самом деле этим процессом заведовали замполит и кум, но кто из них конкретно приложил свою руку к разрешению покидать пределы запертки, Николай не знал. Да и не интересовали его эти излишние подробности.

Двор, превращенный в плац, покрытый несколькими слоями асфальта поверх булыжной кладки, был расчерчен белыми линиями по военному образцу. Но зеки упорно не обращали на них внимания и строились так, как им было удобно.

Бесконвойников и хозобоз проверяли первыми. На удивление тихий ДПНК майор Семенов лишь кивнул на доклад шныря. Прапора пробежались по строю, пересчитывая пятерки зеков. Цифры совпали, и проверка двинулась дальше.

– Чего он такой тихий? – Куль повернулся к своему семейнику Семихвалову.

– Отряд! Напра-во! В столовку шагом марш! – Скомандовал Осечкин, завхоз первого отряда. Бесконвойники и хозобозники повернулись и, смешивая строй, толпой пошли в трапезную.

– А ты не слышал? – Поразился Семихвалов и скорчил страшную гримасу.

– Не тяни кота за яйца.

– Сегодня ночью один зек из шестого хотел Синяка мочкануть. Залез на крышу, и когда тот проходил мимо, сиганул на него! Только промахнулся и напоролся на решку.

– Гонишь ты, Николай Валентинович. – Ухмыльнулся Куль.

– Не гоню, Николай Евгеньевич. – Покачал головой Семихвалов и легонько хлопнул семейника между лопаток:

– Кого хошь спроси. Об этом уже вся зона базарит. А со сранья прапора из шланга решку мыли. Зачем, спрашивается? Кровь смывали.

– И ты веришь?

– А чо? Синяка давно отпидорасить пора.

– Пора-то пора... – Недоверчиво насупился Кулин. – Только навряд ли он кого допек так, что тот на него с заточкой... Синяк – гондон, но хитрый.

Да и сам прикинь, на хрена этому самоубийце на крышу лезть? Да и как он залез-то?

Отряд расселся за столы, на которых баландеры уже расставили шленки с дымящей перловкой, тюхи темный густой чай.

– Блин, опять дробь шешнаццать с коровьими хвостами... – Послышался чей-то недовольный голос.

– А ты уходи из бэ-ка, будут без хвостов давать... – Ответили с соседнего стола.

На эту перепалку никто не обратил внимания. Рты большинства были уже заняты кашей. По сторонам никто не смотрел. Основной задачей в столовке было не удовольствие от еды, а принятие питательных веществ. И чем быстрее оно проходило, тем лучше.

Зал столовки, бывшая монастырская трапезная, вмещал около трехсот пятидесяти человек, и поэтому зона завтракала, обедала и ужинала в несколько смен. Минут по десять каждая.

Усилиями зоновских художников зал был оформлен плакатами типа «Береги хлеб – богатство Родины!» и «Добросовестный труд – дело совести каждого осужденного!» с убогими мордами стукачей в пидорках и огромной, во всю стену, фреской, на которой микроскопические комбайны бороздили поля пшеницы-мутанта, которая была раза в два выше

этой техники и выростала непосредственно из герба СССР, так, что создавалось впечатление, что скоро от колосьев на гербе ничего не останется, все пойдет в бездонные закрома Родины.

В одном месте, почти по центру композиции, краска облупилась, и сквозь жнивье прорывалось чьё-то белое крыло. Казалось, что ангел, или крылатый святой, не в силах вынести позорной мазни, сейчас взмахнёт крылами, и посыплется разноцветной шелухой все эти патриотические лозунги. Взмахнёт крылами, выпорхнет на свободу, и полетит над монастырской землёй, осеняя грешные души зеков божественной благодатью.

Допив приторно-сладкий чай, баландёры сахара для своих не жалели, Кулин рыгнул, отодвинул шлёнку и кружку и не став дожидаться момента, пока не поест последний из бесконвойников, вышел к дверям столовки, посмолить очередную «астрину».

Когда последний бесконвойник вышел из столовки и направился к вахте, проверка всё ещё шла. ДПНК застрял около восьмого отряда. Его новый завхоз, Котёл, что-то пытался доказать майору Семёнову, но тот, по своему обыкновению, не слушал зековской болтовни и смотрел куда-то вверх.

На вахте бесконвойников слегка, исключительно ради блезиру, обшмонали и выпустили за ворота, где подневольных работников поджидал совхозный автобус. Зеки влезли в распахнутые двери, расселись. Рабочий день начался.

4. Кум и стукачи.

Начальник оперативной части майор Игнат Федорович Лакшин сидел в своем кабинете и ждал. Он послал помощника нарядчика за завхозами отрядов, живших в здании монастыря, и, в первую очередь, за завхозом восьмого отряда, отряда мебельщиков. А пока они не пришли, разбирался с письмами.

У Лакшина была отработанная схема получения доносов. Она никогда не была секретом и любой зек, желавший нагадить своему ближнему, мог ей воспользоваться.

Около трапезной находился огромный почтовый ящик. В него зеки опускали письма для родных. Но кроме сообщений родственникам, и друзьям, попадались послания и Лакшину.

Внешне они ничем не отличались от обычных писем, которые, по зековским правилам, заклеивать было запрещено, но начало у всех было стандартным: «Довожу до вашего сведения, что...» Так же часто попадалась вариация этого начала: «Дорогая мамочка, хочу тебе рассказать...», а дальше следовал непосредственно текст доноса. Стукачи были весьма консервативны и писали однотипно, можно было даже сказать, традиционно, почему-то подражая официозному суконно-казенному языку.

За годы службы Лакшину настолько приелась эта начальная фраза, что любое иное начало радовало его как ребенка. Майор мог несколько дней подряд твердить про себя: «Хачу настучать на сваево саседа по шконке...» Или: «Иванов дал мне в морду. Начальник, стукни его свиданкой!»

Но так, обычно, писали стукачи поневоле. Зеки, по жизни слабые, не умеющие постоять за себя как следует и, поэтому, прибегающие к доносу как к последней мере самозащиты, как к единственной доступной для них форме мести, очень часто просто – в момент отчаяния.

Некоторые из таких писем, действительно, требовали немедленного вмешательства оперчасти. Лакшину ни к чему было плодить «девок» в своей колонии. А ведь за крутой косяк зеки могли не только отпидорасить, но и запросто посадить на перо.

Другие же, типа «Сидоров в отряде мутит чифирь и жрет его в одну харю», не вызывали у кума ничего, кроме кривой ухмылки. Но даже и такие доносы он брал на заметку. Мало ли, вдруг потребуется прижать такого любителя крепкого чая?..

Все такие письма были анонимными. Зеки даже предпочитали писать о себе в третьем лице, чтобы, не дай Бог, поставить свою подпись.

Профессиональные же стукачи, напротив, любили играть в шпионов. Они присваивали себе замысловатые прозвища и в конце любого доноса требовали оплаты за свою информацию. Обычно чая или глюкозы, как на местном жаргоне назывались конфеты карамель. Некоторые, особо наглые, пытались даже прибарахлиться за счет оперчасти. Они открытым текстом писали, что «для успешного выполнения секретных заданий, осужденному Стальной Ветер до зарезу требуются новые сапоги и черная фуфайка...»

У Лакшина с этим проблем не было. Те нелегальные передачи в зону, гревы, что пора отметали по доносам, делились между несколькими стукачами, и все были довольны.

Причем, прежде чем выдать стукачу оплату трудов, майор всегда ненавязчиво понуждал его в доверительной беседе повторить написанные сведения с максимальным количеством подробностей. Это позволяло выяснить, не обманывает ли стукач, пытаюсь впарить за ценные сведения досужие вымыслы. Но, даже если информация оказывалась ложной, майор все равно давал чего-нибудь своему добровольному помощнику, но намекал, что в следующий раз на туфту не клюнет, а если зек не внимлет предупреждению, то кара не замедлит

воспоследовать. Стукач уходил призадумавшись и, если он и являлся в следующий раз, приносил действительно ценные сообщения.

Большая часть писем, приходивших к куму, была гораздо менее полезна, чем прямые доносы. В них сообщались разного рода слухи, зачастую, просто выдуманные рьяными стукачами.

Вот и сейчас Игнату Федоровичу попало именно такое послание.

«Довожу до вашего сведения, – писал з/к Орлиный Глаз, – что прошлой ночью я слышал на четвертом этаже какие-то подозрительные звуки, напоминающие шаги. После этого оттуда же раздавались хрипы и стоны, предположительно женского происхождения. Многие слышали то же самое и связывают это с возросшей активностью привидений...»

Подобных писем за последние месяцы собралась увесистая пачка. Причем, Лакшин знал это по многолетнему опыту, разговоры о привидениях начинаются каждую весну. К середине лета они стихают, а осень и зиму призраки ведут себя на удивление тихо. А вот в мае...

Хотя кум и не показывал на людях, что верит во всякую там мистику, для себя он связывал эту весеннюю активность духов с тем, что именно в мае 1922 года безымянный полк Красной армии, расквартированный в близлежащем Хумске, в результате стремительного рейда разгромил засевших в этом монастыре колчаковцев. Приют белогвардейцам дала община монахинь, за что и была изнасилована и расстреляна в полном составе воинами революции.

История не сохранила подробностей, но ходили странные слухи о предательстве. Якобы один из колчаковских офицеров согласился открыть ворота, за что ему была обещана жизнь.

Но, в любом случае, монастырь Святой Тамары и без того имел дурную репутацию. Лакшин специально сидел в Хумском архиве, перебирая документы и фотографии прошлого века. Там он и выяснил, что в здании, где сейчас располагались общежития зеков, еще в семнадцатом веке водились привидения. Из-за этого монастырь несколько раз оказывался под угрозой закрытия, пока Советская Власть не приспособила его для нужд ГУЛАГа.

На месте погоста и примыкающего к нему сада выросли производственные корпуса. Церковь переоборудовали в склад готовой продукции, звонницу превратили в котельную, в обширных конюшнях разместились клуб, школа и больничка. Раньше в них еще одно помещение занимал спортзал, но в один прекрасный год начальство решило, что нечего зекам развлекаться физкультурой и там разместили еще один отряд осужденных. Палаты матерей-настоятельниц заняли библиотека, нарядная и кабинеты приема уголовного населения администрацией колонии. Именно там и находился кабинет Лакшина. Надвратную часовню заняли под КПП, там же, в крепостных стенах, где раньше были палаты настоятельниц, разместились кабинеты начальства, комнаты свиданий и ШИЗО с ПКТ. Единственное, что не претерпело изменений – трапезная. Правда ныне она обзывалась по мирскому – столовая, но суть дела от этого не менялась.

Единственным новостроем было здание карантина, по зековскому этапки, которое с ней делили каптерка, баня, парикмахерская и прачечная.

Резонно подозревая, что хозяин зоны, полковник Зверев, не страдает излишним мистицизмом, Игнат Федорович не тревожил свое начальство подобными пустяками. Привидения, ну и что? Их существование ничем, кроме слухов, не подтверждалось, на производительность труда призраки не влияли, оперативная работа от них не страдала, значит, и внимания не стоили. Реальны они, или нет – это был другой вопрос. Сам Лакшин с духами ни разу не сталкивался, но верить в них был склонен. Ведь не на пустом же месте из года в год повторяется одна и та же картина?

Впрочем, материалистическую идиллию портило несколько случаев сумасшествия обитателей третьего этажа. Они, по их голословным заявлениям, вплотную сталкивались с призраками. Одного такого, пытавшего задушить всех попадавших на его пути, пришлось даже обрядить в браслеты изолировав в ШИЗО и, поскольку он с маниакальным упорством пытался повеситься, тронувшегося зека пришлось этапировать в одну из психиатрических лечебниц близлежащего Хумска, где и затерялись его следы.

В дверь осторожно постучали.

– Сейчас! – Крикнул майор, пряча стопку писем в ящик стола. – Войдите!..

– Можно? – просунулась в дверь стриженная зековская голова.

– Да входи же! – насупился Игнат Федорович.

В кабинет, бочком, проскользнул дородный детина с белой биркой:

– Осужденный Исаков, Игорь Васильевич, сто сорок четвертая, вторая... – начал завхоз стандартный ритуал обращения.

– Хватит, – нетерпеливо махнул рукой Лакшин, прерывая зека, – Садись.

– Я уж третий... – автоматически начал Исаков, но осекся и осторожно посмотрел в лицо главному оперу.

Игнат Федорович негромко рассмеялся. Он любил, чтобы его боялись. Начальные знания психологии очень в этом помогали, но сейчас надо было вызвать завхоза на откровенность и именно поэтому кум сознательно начал с такой «вольной» фразы. Лакшину хотелось, чтобы зек, хотя бы на время забыл, что находится за решеткой, и расслабился.

– ...третий год досиживаешь, – отсмеявшись закончил Игнат Федорович фразу Исакова. – Так?

– Да. – Потупился зек.

– Да присаживайся, ты!.. Курить будешь? – Майор протянул завхозу пачку «Camel». Зек притулился на краешке стула и потянулся, было, за сигаретой, но вдруг отдернул руку и отрицательно покачал головой.

– Ладно, – улыбнулся майор как можно искреннее, – захочешь – возьми. Не стесняйся.

Зек коротко кивнул, пожирая взором иностранные сигареты.

– Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Из-за Гладышева... – Отвернулся Исаков.

Лакшин не стал делать ему замечания. Начальник оперчасти специально обустроил свой кабинет по-домашнему, так, чтобы любая мелочь напоминала о «воле» с тем расчетом, чтоб всякий, приходящий сюда, мог почувствовать себя словно по другую сторону ограды. И сейчас, наблюдая за реакцией зека, Игнат Федорович отмечал про себя, что завхоз это заметил и, следовательно, сделан еще один шаг к более-менее доверительной беседе.

– Правильно, Котел.

Исаков, услышав свое прозвище, невольно вздрогнул и посмотрел куму прямо в глаза. Гляделки продолжались несколько секунд. Первым отвел взгляд зек, но глупых вопросов задавать не стал. Это понравилось майору.

– Ты ведь, Котел, башковитый парень... – начал Лакшин, – думаешь, почему ты вдруг в завхозах оказался? Я за тобой наблюдаю уже давно. С самого первого дня, что ты здесь объявился... Ты на УДО метишь, или на «химию»?

– Да, хотелось бы... – Впервые улыбнулся Исаков, но тут же погасил улыбку, настороженно посмотрев на кума. Игнат Федорович почти что видел, как шевелились в голове зека извилины, пытаясь раскусить замысел майора. Однако, судя по слегка туповатому выражению лица завхоза, все усилия оказывались тщетными.

– Пойми, я тебе не враг... – Произнес кум дежурную фразу. Но сказана она была так проникновенно и без грана фальши, что зек почти поверил этим словам, и это моментально отразилось на его расплывшейся физиономии.

– Только, вот, есть у тебя один минус... – со вздохом вымолвил Игнат Федорович и почмокал губами. Майор специально при этом посмотрел в сторону, чтобы у завхоза создалось впечатление, что начальник раздумывает, сообщать о «минусе», или нет. Выдержав секунд тридцать, Лакшин закончил фразу:

– Это любовь к «женскому полу»...

– Но я... – Испуганно привстал Исаков.

– Ты пойми меня правильно, – радужно осклабился кум, видя беспомощные трепыхания Котла, – я ведь не против...

Дав зеку немного времени на осмысление этой потрясающей новости, Игнат Федорович продолжил:

– Главное – чтобы все было по обоюдному согласию, и чтобы ты никого без дела не притеснял...

Исаков на глазах побледнел. Он вспомнил, что буквально неделю назад отметелил одного из «девок» за то, что тот отказался бесплатно делать очередной минет.

Поняв, что куму об этом известно, несмотря на то, что Котел бил пидора, приговаривая: «Стукнешь – в дальняке будешь жить!», завхоз стал лихорадочно прикидывать чем ему это может грозить, не стоит ли пойти в отказ, или, напротив, слезно покаяться и умолять поверить, что такого больше не будет.

– Завхоз должен быть выше всяких там мелочных разборок. – тихо проговорил Игнат Федорович. – Он должен быть всегда в курсе и пресекать. А если не может сам...

Майор очередной раз растянул губы в сладчайшей улыбке:

– Ему есть на кого положиться...

Среди ужаса, аршинными буквами написанного на лице зека, вдруг промелькнула искра понимания. До него дошло, что он отделался предупреждением и наказывать его пока не будут. Котел глубоко вздохнул и, к удовлетворению майора, наконец расслабился.

Лакшин внимательно наблюдал за мыслительным процессом, отражавшимся на лице зека, внешне сохраняя при этом полное спокойствие. Кум, встречаясь с подобными типами, всякий раз вынужден был бороться с омерзением, чтобы не выпустить его наружу, чтобы не дать понять тупоголовому громиле, как на самом деле относится к нему начальник оперативной части.

– А уж если что-то там не так... Косяка, скажем, запорешь... Сам понимаешь...

Исаков не понимал. Он никак не мог сообразить, то ли его прикроет кум, то ли закроет. На всякий случай, зек активно замотал головой. И, решив, что ситуация, все же, складывается в его пользу, осмелел и взял сигарету из желтой пачки с верблюдом. Майор придвинул к нему пепельницу.

– Сколько ты уже в завхозах?

– Третий месяц...

– Ты ведь сможешь до «химии» продержаться?

– Могу. – уверенно кивнул Котел.

– Вот и давай! – наклонил голову Игнат Федорович. – А теперь расскажи-ка мне о Гладышеве.

Пока Исаков, судорожно затягиваясь, рассказывал майору то, что куму и так было известно, Лакшин откровенно скучал. Зек чувствовал, что говорит слишком мало, но почти ничего интересного вспомнить не мог. Но вдруг завхоз упомянул, что в последние дни раза три по ночам не находил Гладышева в секции, но думал, что тот ушел чифирить с кентами из других отрядов, а к ночной проверке всегда приходил и поэтому завхоз не придал этому должного значения, а кентов у покойного была такая куча, что можно со счета сбиться... Кум встрепенулся, услышав о ночном отсутствии, но дождался завершения невнятного словоизвержения.

– Кто был его семейником?

– Сапрунов.

Эта фамилия ничего не говорила майору. Он помнил, что был в отряде зек с такой фамилией, жил тихо, очень тихо, так что никакого компромата на него не было. Как ничем не выделялся и сам покойный Гладышев.

– Что можешь про него сказать?

– Да, ничего... – пожал плечами Котел. – Тихий такой, себе на уме. Деловьем по мелочи промышляет. Мужик, одним словом.

Деловьем на зековском жаргоне назывались самые разнообразные безделушки, типа брелоков, перстней, миниатюрных чеканок. Все это можно было обменять на чай у водил в воли. Но под категорию деловья подходили и финские ножи с наборными рукоятями, и выкидные ножи. Несколько раз на памяти Лакшина прапора отметали и настоящие самопалы, которым не хватало лишь патрона в стволе.

Майор внешне ничем не выдал своей радости. Любого производителя запрещенных предметов можно было прижать. Отметив для себя чтобы дать наводку своим стукачам поискать сапруновские изделия, Игнат Федорович с ленцой потянулся:

– А где этот Сапрунов сейчас?

– В первой смене. Снять его?

– Не стоит, – поморщился кум. – Но после работы – ко мне его. Ясно?

– Так точно! – Вскочил завхоз и попытался принять стойку «смирно».

– Все, можешь идти.

Котел по-военному повернулся, щелкнув каблуками сапог, и направился к двери.

– Нет, постой!.. – Словно размышляя о чем-то остановил его майор. Он наклонился и извлек из нижнего ящика стола профессионально свернутый газетный кулек. В нем находился килограмм чая, но не только. На самом дне был спрятан мерзавчик трехзвездочного коньяка.

– Держи. Чифирни за упокой.

Котел отрицательно замотал головой, чуя подвох.

– Бери, тебе говорят!

Зек схватил кулек и засунул себе под куртку.

– Теперь – иди!..

Не поблагодарив, Исаков вылетел из кабинета. Майор, уже не скрываясь, усмехнулся. Трусоват парень. Вся его власть держится на привычке зеков к старому, уже откинувшемуся завхозу, да на кулаках. Жаль, в башке пусто. Но ничего, шныри у него опытные, толковые, наставят на путь истинный.

В принципе, Игнат Федорович гораздо больше пользы имел бы от беседы именно с ними. Шмасть и Пепел давно являлись осведомителями кума. Но вызвать их сейчас было бы тактической ошибкой. Ни к чему давать вечно настороженным зекам лишний повод для пересудов.

Если у них будет какая информашка – под вечер эти деятели заявятся сами. А что информашка будет, майор не сомневался.

5. Воспоминания Кулина.

Тряская бетонка, шедшая от ворот зоны уперлась в недавно заасфальтированную дорогу. Автобус с бесконвойниками, уже переодетыми в замызганные рабочие робы и фуфайки, свернул и покатил между полей, покрытых прошлогодней стернёй. Прапорщик Сергиенко, или, как все его звали, Серый, сидел рядом с водителем и угрюмо курил, повернувшись к зекам спиной. Выкинув окурок в проносящийся за окном пейзаж, прапор потянулся и закемарил. По идее, он должен был следить за расконвоированными, но, с другой стороны, какой идиот будет выходить на бесконвойку чтобы удариться в бега? За все время службы Серого такого не происходило ни разу и поэтому к своей работе Сергиенко относился как к синекуре, очевидно, сам и не подозревая о существовании такого понятия.

Кулин, задумавшись, сидел у окна, провожая взглядом растворяющуюся в остатках тумана громаду монастыря.

Вот так же, прошлогодней весной, он впервые увидел это сооружение, еще не зная, что за этими стенами обретет одновременно и место жительства, да и работы, на весь остаток своего, относительно небольшого, срока.

Тогда, в середине марта, Кулина пригнали этапом в Хумскую тюрьму. После полутора суток в продуваемом бесчисленными сквозняками столыпинском вагоне, куда зеков запихали как дрова, под завязку, тюремная камера показалась настоящим раем. Из разбитого зарешеченного окошка нещадно дуло, но что одна небольшая дыра в стене по сравнению с уймой щелей в насквозь проржавевшем вагоне для транспортировки спецконтингента?

Камера, в которую бросили этапников, оказалась узким вытянутым помещением по периметру которого шли нары состоящие из единственной неширокой доски. Стены покрывала бетонная «шуба», любое мало-мальски ровную поверхность которой покрывали разнообразные надписи.

Зеки кинули кешеры по нарам и устремились пописать. Параша, большущее вонючее ведро, стояла у двери и к ней немедленно выстроилась очередь. Облегчались по малому сразу двое-трое зеков. Отходили с блаженными улыбками и возвращались к своим мешкам. Курить. У Кулина была заначка табаку, но он присоседился к какому-то мужику и упал на хвоста на его бычок.

Через часа полтора, когда все надписи на стенах были уже изучены и обсуждены, дверь распахнулась и этапников повели в баню. Николай с любопытством крутил головой по сторонам, разглядывая своё новое жилище. Все здесь подозрительно напоминало Бутырку, и кафельные полы, и грязно-зеленые стены, и такие же сводчатые потолки. Лишь коридоры были поуже, да расположение камер несколько непривычное, их двери оказались несколько утоплены в монолитных стенах так, что к каждой вел коротенький, с полметра, проходик.

Однако местная баня совершенно разочаровала Кулина, который уже начинал с благодушием взирать на тюремное благолепие и чистоту. После узкой раздевалки, где зеков заставили сдать все шмотки в прожарку для истребления мустангов, последовало перемещение в душевую. Она оказалась квадратным помещением, где по самому центру, на месте полузабитого стока, стояла гигантская мутная лужа, больше похожая на неглубокое озеро. Мало того, она распространяла вокруг себя пелену удушливого тумана. Причиной этого природы явления были несколько куч хлорки, там и сям разбросанные по душевой.

Зажав в одном кулаке несколько микроскопических долек «хозяйки», а в другом конец мочалки, Николай остановился на входе, легкие сразу обожгла смесь хлора и водяного пара и Кулин закашлялся. Сзади подтолкнули и первый же шаг едва не кончился падением. Кафель оказался настолько скользким, что передвигаться по нему можно было лишь нелепо сгибая колени и ставя ногу сразу на всю ступню.

Осторожно передвигаясь по периметру, Николай нашел свободный рожок душа, наполовину заросший водным камнем, и начал помывку. Горячая вода, почти кипятки, прорываясь сквозь тонкие отверстия, частью лилась вниз, а частью распылялась. Через несколько минут он уже не мог разглядеть в густом паре пальцев на вытянутой руке. По обеим сторонам Кулина, невидимые зеки фырчали, довольно ухали, не обращая внимания на поистине душную атмосферу.

Смыв с себя мыльную пену, Николай заторопился к выходу. Там, железной двери, местами ржавой, местами все еще покрытой коричневой краской, уже толпились помывшиеся этапники. Один из них, молодой парень, не выдержав ядовитого тумана, яростно заколотил по железу:

- Открывай!
- Все помылись? – Задумчиво спросили из-за двери.
- Все! – в отчаянии заголосил парень.
- Точно? – осведомился банщик. – А то всех, как есть, в мыле погонят...
- Нет, не все! – заорали из тумана.
- Вот когда все – тогда и стукните...

Пар, вкупе с хлорными испарениями, поднимался к потолку, откуда изредка падал в виде тяжелых, обжигающе холодных капель. Николай, стремясь очистить легкие от разъедающего тумана, немного отошел от зеков, кучкующихся у выхода в ожидании чуда, и присел на корточки. Здесь, внизу, воздух действительно был гораздо чище.

Наконец домылся последний из этапников и зеки замолотили в дверь, вызывая банщика. Но тот, как видно, отлучился по каким-то делам и мужиков выпустили лишь спустя четверть часа непрерывного грохота.

Николай, наполовину оглохший и ослепший, утирая тыльной стороной потной ладони слезящиеся глаза, получил из прожарки свою одежду. Проволочные плечики, на которых висели его вещи, оказались раскаленными и Кулин, несмотря на осторожное с ними обращение, все-таки умудрился несколько раз обжечь пальцы.

Вскоре последовал очередной шмон, зеков выстроили в колонну по двое и повели наверх, в камеры. После недолгого блуждания по узким переходам, после десятка решетчатых дверей, по которым вертухаи, верные своим привычкам, оглушительно стучали железными ключами, этапники попали в уже знакомые жилые коридоры хумской тюрьмы.

Мужиков вызывали по фамилиям и, не особо церемонясь, вдвоем, втроём, запикивали в камеры.

Николая бросили в хату одного. Он бросил свой кешер и матрасовку на пол и, после того, как захлопнулась за ним кованая дверь, произнес, обращаясь в пространство:

- Здорово, мужики!

Мужиков оказалось шестеро. Камера – двенадцатиместной. Шконки, как и в большинстве тюрем, деревянные двухэтажные. Так что, из-за любителей к верхотуре, Николаю даже досталось одно из свободных нижних мест, о чем на Пресне он не мог и мечтать. В Бутырке, правда, он спал снизу, но лишь последний месяц. Все первые полтора года заключения ему приходилось довольствоваться вторым ярусом: хата была переполнена и на освободившуюся престижную шконку всегда находились более достойные желающие.

Здесь, впервые за все время отсидки, Николай почувствовал себя как дома. Конечно, сравнение это было весьма не точным, но как еще назвать ту атмосферу спокойствия и тишины, в которую попал сейчас Кулин?

Обитатели хаты, такие же, как и Николай, этапники, все шли на общий режим. Статьи они имели легкие и Кулин, со своими четырьмя годами, выглядел среди них таким сверхсрочником. После выяснения обычных вопросов, как звать, за что и на сколько закрыли,

сколько и какие лагеря в хумской области, сокамерники отстали, предоставив новичка самому себе.

Целую неделю Николай откровенно наслаждался жизнью. В этой камере он, наконец, смог сформулировать то, чего ему так не хватало в московских изоляторах – одиночества. Осознать, и почувствовать его.

Здесь, где никто не лез к нему с бесконечными расспросами, на которые отвечать было если не обязательно, то весьма желательно, иначе не так поймут... Здесь, где никто не предлагал замазать на что либо, а если откажешься, то тебя опять-таки могут не так понять... Здесь, где никто настырно не предлагал погонять в стире... Кулин почувствовал себя человеком. Не осужденным, а именно человеком и это ощущение он поклялся перед собой пронести весь остаток своего заключения.

Еще одним отличием хумской пересылки была абсолютная тишина. Здесь, хотя и имелся радиодинамик, он постоянно был выключен. Никому из обитателей камеры, включая и Кулина, не были интересны последние политические новости. Без них было гораздо спокойнее. Именно поэтому ручка, регулирующая громкость радиоточки, всегда была завернута до упора, чтобы голоса дикторов не мешали невесёлым размышлениям осужденных «беспристрастным» советским судом.

Разговоры, конечно велись, много и разные. Но никто не повышал голос, дабы доказать свою правоту, и в результате этих бесед, базарами назвать их было бы просто некорректно, собеседники, чаще всего, обогащали свои точки зрения, если будет позволено так выразиться.

Одной из самых актуальных тем служили попытки угадать что же их ждет на зоне, какие там порядки, что придется делать. Все слышали, что там придется работать. Но как? Лес валить или как-то иначе, никто конкретно сказать не мог. Одно было достоверно: после годов вынужденного тюремного безделья придется расстаться с обросшими лишним жирком боками.

Еще одной информацией не вызывающей сомнений, были сведения о том, что в лагерь никаких продуктов, ни колбасы, ни сахара, не пропускают, отмечая это в пользу вертухаев. Один из сокамерников, дородный хозяйственник, имел в своем кешере полугодовой запас копченых колбас. Первое время он не верил что придется расстаться с этим богатством, но когда в хате побывал этапник с зоны и подтвердил это, все деликатесы пошли на общак.

Кулин пришел в камеру уже к окончанию праздника живота, но и на его долю досталось немало жестких ломтей «калабаса-балабаса» и нежных, тающих во рту, кусочков «сала-масала». С тех пор уже прошло немало времени, но все равно, Николай частенько вспоминал полузабытый вкус дорогой колбасы и копченого сала, густо сдобренного перчиком, которыми он до отвала наедался в этапке хумского СИЗО.

Но каникулы длились недолго. На восьмой день пребывания Кулина в хате, незадолго до утренней проверки, обитая сталью дверь с грохотом распахнулась и какой-то вертухай изо всех сил заколотил ключом по кормушке. Убедившись, что привлек к себе внимание, сержант достал бумажку и, смешно морщась, прочел несколько фамилий, среди которых Кулин, услышал и свою. Николай готов был не поверить услышанному, сердце не по-хорошему ёкнуло. «Кобздец лафе...» – с грустью подумал Кулин. – «Что то теперь будет?»

– Все есть? – осведомился вертухай.

– Все... – подтвердил нестройный хор зеков.

– С вещами! – криво осклабившись сообщил краснопогонник.

Не успела дверь затвориться, как в хате уже царила какая-то нездоровая суэта. Остающиеся в камере со смешанными чувствами зависти и страха наблюдали за сборами уходящих на этап. Сами этапники пытались бодриться, но все равно, неизвестность действовала

на нервы. То ли их опять бросят в столыпин и повезут по просторам России, то ли путешествие подходит к концу и впереди – зона.

Сразу после проверки за этапниками пришел старичок-вертухай. Он дотошно проверил всех убывающих, заставляя называть статьи, срок, его начало и завершение и, наконец, построив зеков в коридоре, повел их сквозь бесчисленные тюремные двери.

Кулин шел вместе со всеми, в неровной шеренге, тащил матрасовку и баул, потел. Его вдруг охватило чувство полной нереальности происходящего. Такое же, как и тогда, когда его перевели из КПЗ в Бутырку. Он так же тащил свои немногочисленные вещи, наскоро купленные женой, пахнувшие еще свежестью и магазином, и так же ему казалось, что все это случилось не с ним, а с каким-то другим Кулиным Николаем Евгеньевичем, двойником, в тело которого настоящий Кулин попал по странному недоразумению. И это, что происходит с Кулиным-2, его, истинного Кулина, практически не касается.

И тогда, и сейчас, Николай чувствовал себя наблюдателем, неким пришельцем из иного мира, внедрившимся в странное двуногое существо и теперь обитающий в нем, собирая информацию о местной жизни.

Это состояние отрешенности не прошло и когда Николай сдавал казенные шмотки, и когда он сидел в уже знакомой хате для этапников, и когда его, вместе с остальными, погрузили в автозак и вывезли за тюремные ворота.

Личное дело Николая оказалось самым первым в стопке и он, руководствуясь уже усвоенным правилом, «кто первый встал – того и сапоги», устроился у самого выхода из фургона, заставляя всех следующих протискиваться мимо себя. Его пытались сдвинуть, но Кулин, пребывая в отстраненном состоянии, крепко держался за место, понимая, что если его лишат этой позиции, ему не удастся еще разок взглянуть на вожака вожделенную волю.

Едва автозак покинул двор СИЗО, Николай встал. Окошко на волю находилось на самом верху двери и наполовину было перегороджено головой конвойника в полушубке.

Сперва машина шла по старому городу. За редкими прутьями решетки проплывали дореволюционные двух – и трехэтажные домишки. Светились вывески и окна магазинов, сновали вольняки, мужики и бабы, старушки в телогрейках стояли в бесконечных очередях.

Потом промелькнули панельные хрущевки, такие же серые, как и старый город. Тут народа было значительно меньше. Но, через несколько минут, и эти постройки кончились. Автозак покати по раздолбанному асфальту между прозрачных лесопосадок. В лицо Кулину пахло весенней свежестью, запахом талого снега, нарождающейся зеленью. И это дуновение ветра словно произвело тайную алхимическую реакцию, слив Николая и его внутреннего наблюдателя в единое целое.

Встрепенувшись, Кулин обрел способность анализировать. Он по-новому посмотрел на солдата-охранника, увидев в нем не бессловесную фигуру, а некое подобие человеческой личности, с которой вполне можно было бы побазарить.

– Эй, командир!..

Конвоир, сидевший с «калашом» на коленях, лениво повернулся на оклик и процедил сквозь зубы тоном, дающим понять, что ничего хорошего он от этого разговора не ждет:

– Что тебе?..

– Слышь, командир, куда едем? – продолжил Кулин, придав голосу веселую нервность.

– Куды надо. – отрезал солдат и отвернулся.

– Да ты чо, в натуре? – не унимался Николай, – Я ж к тебе по-человечески, а ты, блин, хайло воротишь... Рожа твоя казенная!..

Конвойник про себя усмехнулся. Такие базары заводили любые этапники. Одни, слабаки, откровенно лебезили перед солдатом, другие, обозленные на все и вся, сразу начинали с оскорблений, надеясь, что в запале конвойник проболтается, третьи, в которых срочник

безошибочно узнавал настоящих блатных, разговаривали спокойно, но несколько свысока. В любом из этих случаев солдату запрещено было вступать в переговоры с осужденными, но на запрет этот, по большей части, игнорировали.

Возможные оскорбления конвоира не трогали, пополнять свой запас блатной лексики и ругательств дальше было уже некуда, да и какие такие секретные сведения он мог открыть настырным пассажирам автозака?

– На трёшку идём... – Солдат демонстративно извлёк из кармана полушубка початую пачку «Ватры». Кулин немедленно протянул сквозь решку коробок спичек.

– А чего за лагерь?

Не спеша прикурив, конвоир вернул спички и, выдыхая густой дым, произнёс:

– Монастырь.

– В смысле?

– Натуральном. Старый монастырь. Стены толстенные, мох, там, плесень всякая. Кусты аж растут. Проклятое место...

– Погодь, погодь... Почему это проклятое?

– Грят так... – Пожав плечами конвойник опять присосался к сигарете.

– А чего там за работы? – просунулся кто-то из-за плеча Кулина.

– Разное. Половина уран копают. Другие – иприт гонят.

– Чо за иприт-миприт? – не унимался любопытный, не понимая, что над ним напрямую смеются.

– Газ такой. Ядовитый. Чуть дыхнул – в деревянный бушлат.

Там с месяц назад чего-то грохнуло. Пол зоны на кладбище... Теперь новых набирают...

– Да ты гонишь! – догадался зек.

Не отвечая, солдат затыкнулся.

– А чем оно проклятое? – тихо полюбопытствовал Кулин.

– Нечисто там... – конвоир скосил глаза и пристально посмотрел на Николая. Тот ждал продолжения.

– Сила, грят, бесовская поигрывает...

– Как?

– Сядь, да просрись! – огрызнулся солдат. Видно было, что он знает что-то, о чем не собирается сообщать незнакомому зеку. Кулин не стал допытываться, надеясь, что конвоир расскажет все сам, но молчание затянулось.

Несколько зеков из-за спины Николая попытались заново завязать беседу, но солдат не реагировал, полностью погрузившись в какие-то свои мысли и, тем самым, продолжил свою работу – сторожить преступников. Сами преступники скучковались у задней стенки фургона и начали активно перешептываться. Слух Кулина выхватывал из многоголосого бубнения лишь отдельные слова: «беспредел», «зелёный прокурор», «лесоповал»... Николай уже тысячи раз слышал подобные прожекты. Невоплотимые в реальности планы побегов. Подкопы, бензопилы, переделанные в вертолёты, катапульты, способные перебросить через многометровый забор – всё это были стандартные зековские легенды. Пусть даже кто-то и использовал один из таких способов, какая разница? Вся энергия таких побегушников уходила в базары и бесплодные обсуждения деталей. Кулин прекрасно понимал, что человек, действительно готовящийся прыгнуть на волю, не станет трезвонить об этом на каждом углу. Ещё стукнет кто, навесят менты ярлык, пропишут красными буквами «СП», склонен к побегу, и кончится спокойная жизнь. Таких эспэшников, Николай видел. Одного, вертухаи проверяли на наличие каждые полтора часа. Мало того, с шести утра, через три часа, весь световой день, его основательно шмонали на глазах всей хаты. Раздевали донага, загляды-

вали в рот, раздвигали ягодицы. Через несколько недель парень перерезал себе вены, его выдернули из хаты и Николай больше никогда его не видел.

Автобус с бесконвойниками яростно затрясло на ухабах и Куль вернулся к действительности. Уже подъезжали к селу.

– Интересно, – подумал вслух Семихвалов, ни к кому конкретно не обращаясь, – на что сегодня кинут?

– А как всегда – говно разгребать! – отозвался Шутов. Погоняло у этого мужика было соответствующее – Шутник, и никто не знал, то ли называли его так из-за фамилии, то ли из-за постоянных попыток побалагурить. Но все его грубоватые шуточки почти всегда вызывали дружный утробный хохот. Вот и сейчас весь автобус буквально захлебнулся от смеха, хотя как раз вчера бесконвойников определили на чистку свинарника.

К зекам в колхозе «Хумский партизан» относились как к дармовой рабочей силе. Так оно впрочем, по большей части и было. Городские, незнакомые с крестьянским бытом и заботами, они вызывали у колхозников лишь усмешку и, несмотря на то, что работа осужденным доставалась самая тяжелая, их за глаза называли дармоедами.

Кроме этого, зекам и платили по самым нижним расценкам, примерно раза в два меньше, чем колхозным разнорабочим. На ларь уголовникам падало, по гуманному советскому законодательству, половина заработанного. А из нее шли еще разнообразные вычеты, за хавчик, за спецодежду, робы и сапоги, которые, при неквалифицированной работе, изнашивались катастрофически быстро.

Но и на эту остающуюся мизерную сумму бесконвойники умудрялись жить припеваючи.

Гораздо больше повезло Мотылькову и Кулину. Им, как профессиональным водителям, доверили колхозные «ГАЗы», и несмотря на то, что эти машины дольше чинились их шоферами, нежели ездили, Куль и Мотыль вызывали всеобщую зависть. Ведь им не приходилось, как прочим, дни напролет копать канавы или убирать за свиньями.

Автобус проехал по центральной улице села и плавно затормозил около здания колхозного правления. Серый, который должен был сдать зеков с рук на руки, все еще дремал. Бесконвойники, дабы урвать хотя бы несколько секунд безделья, разом стихли, но именно это внезапно наступившее молчание и пробудило прапорщика. Он поднял свесившуюся на грудь голову, посмотрел на дорогу. Обнаружив, что та не исчезает, как должно было бы быть, под колесами автобуса, повернулся к водителю. Несколько мгновений ушло на то, чтобы сообразить, что нельзя вести транспортное средство не держась за руль.

– Чо, приехали? – недовольно осведомился Серый.

Взрыв утробного зековского хохота окончательно пробудил прапора.

– Кова хера не разбудили?

– Да уж сам...

– Отворяй! – Приказал Сергиенко водителю. – А вы у меня тут!.. – и он показал зекам кулак. Этот жест должен был призвать смеющихся осужденных к порядку, но результат оказался прямо противоположным. Бесконвойники захохотали с новой силой. Махнув рукой, прапорщик вышел из автобуса и, покачиваясь, скрылся в дверях правления.

Обратно он появился буквально через минуту, сопровождаемый зоотехником колхоза Леонидом Степановичем Покрышкиным, которого и колхозники, и зеки за глаза прозвали Главная Скотина. Ему, на общественных началах, поручили бесконвойников, и теперь Главная Скотина беззастенчиво использовал осужденных, затыкая ими все дыры.

Серый встал у входа в автобус и, достав планшетку, начал зачитывать фамилии прибывших. Зеки выходили по одному, выстраиваясь вдоль автобусного бока, и немедленно извлекали курево. Когда вышел последний, Покрышкин расписался в получении рабсилы. Прой-

дясь вдоль ряда смолящих бесконвойников, Леонид Степанович извлек руки из карманов чистенькой телогрейки и ехидно произнес:

– Так, господа преступники...

Это фамильярное обращение Главная Скотина подцепил у прапоров и теперь регулярно им пользовался. Пожалуй, даже слишком регулярно.

– Сегодня, господа преступники, вам повезло... – Покрышкин сделал паузу, но зеки равнодушно молчали, насыщая кровь низкосортным никотином.

– ...будете ремонтировать дорогу. – закончил Леонид Степанович.

Прилива энтузиазма это предложение не вызвало. Бесконвойники знали, что за этими словами скрывается обыкновенное забрасывание щебнем неровностей транспортных артерий «Хумского партизана». Причем «неровности» эти чаще всего выглядели как полуметровой глубины ямы, заполненные жидкой грязью.

– Лопаты получите на месте. Предупреждаю: черенки друг о друга и прочие предметы не ломать. Это же касается и самих лопат. В случае поломки инвентаря – его стоимость будет вычтена из зарплаты...

На это зеки недовольно загудели.

– Ничего, ничего, господа преступники, аккуратнее будете работать. – Главная Скотина гнусьенько ухмыльнулся. – Задача у вас простая – бери больше – кидай дальше. Это ясно?

– Ясно, ясно... – забурчали бесконвойники.

– А обед? – раздался вопрос из строя.

– В часа два привезут... А теперь сигареты забычковать, и в автобус! – Приказал Покрышкин. – Кулин и Мотыльков, за мной.

Следуя за Главной Скотиной, Николай увидел, как из Правления выползло живое олицетворение названия этого колхоза – дед Пахомыч. В задачу этого реликта входила охрана зеков. Но, по мнению всех, без исключения бесконвойников, Пахомыч не мог сохранить в целостности даже собственную берданку. Оружие, доверенное деду, было лишено и затвора, и патронов, и служило исключительно для декоративных функций и для отчетности перед возможными проверяющими.

Матерясь под нос, что Пахомыч делал не переставая ни на секунду, даже во время сна, престарелый сторож взобрался по ступенькам автобуса. Дверца с всхлипом встала на место, и зеки поехали на место трудового подвига.

6. Хозяин.

Начальник учреждения АП 14/3 подполковник Зверев Авдей Поликарпович редко когда появлялся в зоне раньше полудня. Однако, сегодня он оказался разбужен около восьми утра. Настырный звонок телефона после двадцать пятого сигнала вытащил-таки подполковника из постели, заставил искать шлепанцы и шаркать в коридор.

Сорвав черную трубку Зверев с ходу обложил звонящего, высказав сомнения в его принадлежности к человеческому роду, и лишь выплеснув часть эмоций, поднес динамик к уху:

– Ну, блин!..

– Это я, Авдей. – Голос принадлежал полковнику Васину. Он был единственным в лагере, кто имел звание выше «хозяина», хотя и занимал более низкую должность замполита. Так же Александр Павлович Васин был единственным человеком, который мог без особых для себя последствий вытащить похмельного Зверева в такую рань. Полковник, всегда спокойный, обладал природным свойством располагать к себе. Это ускорило и его карьеру, и позволило обрести прочное влияние на всех работников зоны-монастыря. Даже в ОУИТУ (Областном управлении исправительно-трудовыми учреждениями) к мнению Александра Павловича прислушивались. Ему даже зеки не опасались раскрывать свои мелкие тайны зная, что Васин не заложит. Васин и в правду не закладывал. Он лишь вызывал Лакшина и приказывал разобраться. Но об этом знали лишь они двое.

– Что там у тебя? – недовольно протянул Васин и завершил фразу длинным смачным зевком. От этого действия в глазах у подполковника полетели белые мухи, голова дала о себе знать внезапным кружением данного органа и Авдей Поликарпович невольно прислонился к стене. Этот приступ дурноты съел большую часть сообщения Васина и до Зверева, сквозь пронзительное гудение в ушах донеслось лишь:

– ...вяк.

– Чего, чего?

– Повторяю. – невозмутимо ответил полковник, – В зоне мертвяк.

– Ты шутишь что ли?.. – вмиг посерьезнев рявкнул подполковник. Он резко оторвался от поддерживающей поверхности стены, но от этого движения пятна в глазах замелькали с новой силой и Авдей Поликарпович очутился сидящим на корточках, все еще прижимая к уху плакающую отбоями телефонную трубку.

Несмотря на непрекращающуюся ни на мгновение головную боль, Зверев смог сообразить, что поле звонка Васина последует и его явление во плоти. И после этого ему, Авдею, волей-неволей придется отправляться смотреть на очередного покойника.

– Юля! – хрипло позвал подполковник. Его супруга, Юлия Рудольфовна, выглянула из спальни. Увидев притулившегося у стены мужа, который все еще грел ладонью эбонит телефонной трубки, она вздохнула и в несколько легких шагов подошла к Авдею. Сперва Юлия отняла и повесила трубку на рычаг и лишь потом помогла мужу встать.

– ЧП в зоне. – Сообщил Зверев. Жена понимающе оглядела подполковника, на котором из одежды наличествовали лишь цветастые трусы, называемые в народе семейными.

– Тебе поправиться?

– И поскорее. Сейчас Саша завалится...

– Ну, ползи на кухню... – усмехнулась Юлия Рудольфовна. – Пока доберешься, все будет готово...

Кряхтя, Зверев побрел одеваться. Руки никак не хотели пролезать в рукава халата, подполковник тихонько матюгался, но когда эта попытка, наконец, завершилась победой разума над неодушевленной материей, оказалось, что халат одет наизнанку. После чего процесс

облачения повторился, но уже перемежаясь несколько большим, чем в предыдущий раз, количеством непечатной лексики.

В тот момент, когда Авдей добрался до кухни и сделал первый глоток нацеженного женой капустного рассола из огромной керамической кружки, в дверь требовательно позвонили. Зверев поперхнулся, закашлялся, брызгая целебным настоем из ноздрей. Юлия Рудольфовна, не дожидаясь членораздельной просьбы, пошла открывать.

К моменту появления Васина, успевшего полюбезничать в коридоре с молодой супругой подполковника, «хозяин» успел стереть с лица следы мокроты и принять, насколько это было возможно, суровый вид. Но это, как оказалось, ему не удалось.

– Эк, братец, ты, прямо скажу, погано выглядишь!.. – Вместо приветствия протянул Александр Павлович.

Зверев едва не подавился рассолом еще раз.

– Да?.. – только и смог спросить Авдей Поликарпович.

Полковник, сдвинув брови, утвердительно покачал головой.

После рассола мозгам несколько полегчало. Боль прошла, сменившись расслабляющей дурнотой. Зверев приобрел способность немного рассуждать и ощутил приступ голода. Глубокая тарелка с овсяной кашей, поверх которой плавал полурастаявший кусочек масла, уже парила на столе. Перемешав овсянку ложкой, Авдей Поликарпович зачерпнул с самого края тарелки, подул и, наморщась, проглотил.

– Ты быстрее можешь? – словно нехотя поинтересовался Васин, все еще стоящий в дверях кухни.

– Горячая... – сдувая пар со следующей ложки сообщил подполковник. – А ты пока рассказал бы...

Юлия Рудольфовна предусмотрительно уже исчезла и Александр Павлович присел напротив «хозяина». Пока шел процесс поглощения пищи, Васин рассказал все, что было известно на данный момент. А известно было крайне мало.

Через минут двадцать, когда подполковник поел, оделся и привел себя в подобающий военному виду, они с замполитом вышли из домика начальника лагеря. Жил Авдей Поликарпович в двухэтажном коттеджике, спроектированном и выстроенном руками зеков. Находился он, как и прочие здания, принадлежащие конвойной роте, метрах в пятидесяти от массивной монастырской стены. Напротив, через дорогу, ведущую к монастырским воротам, обнесенные бетонным забором, располагались казармы срочников внутренних войск. Оттуда доносились нестройные хлопки выстрелов: солдаты-первогодки, будущие вышкари, тренировались на стрельбище.

– На труп посмотришь? – любопытствовал Александр Павлович скорее чисто теоретически. Похмельный Зверев, окунувшись в медицинские запахи, а мертвого зека, за неимением лучшего места, морга, поместили в операционную воинской санчасти, был способен лишь на одно, но продолжительное действие – опорожнение желудка посредством извержения содержимого одного через рот.

– Не-е... – медленно покачал головой подполковник. – Мертвяков пусть Лапша разглядывает. Лапшой промеж себя они звали начальника оперчасти.

Спустя несколько минут лагерное начальство уединилось в кабинете Зверева. Тот находился непосредственно в монастырской стене, был вытянут в длину и имел шесть узких, забранных решеткой, окошек, смахивающих скорее на бойницы. Там Авдей Поликарпович пыхтя уселся за свой стол так, что замполиту стало ясно – сегодня «хозяин» с места не сдвинется. Присев напротив подполковника, Васин протянул тому три листка.

– Что это? – пробормотал Зверев принимая бумаги и чувствуя, что ничего приятного он в них не найдет. Александр Павлович не ответил, так что начальнику лагеря самому пришлось читать шапки документов.

– Рапорт, докладная записка, рапорт. – перебрав листки пробормотал Авдей Поликарпович. – Что в них?

– Доклады о нахождении трупа осужденного Гладышева.

– На кой мне они?! – раздраженно протянул бумаги обратно Зверев. Но замполит за ними не потянулся и поэтому подполковник просто швырнул их на стол. – Ты сам можешь рассказать кто его, как, почему?

– Не могу. – с преувеличенным спокойствием отвечал полковник. – Но это пока, временно. Скоро мы все узнаем.

– А мне как в Управление писать? – вспыхнул «хозяин». – «То ли сорвался с крыши, то ли убит осужденный такой-то»? Так?!

– Ты ведь сам понимаешь, что так не стоит... – сделав упор на слове «так» сказал Александр Паслович. – Давай посмотрим варианты.

Первый. Этот зычара – побегушник. Но с крыши на стену не спрыгнуть. Да, и через стену тоже. Разве что, был у него при себе дельтаплан. Но конвойники на крышу лазили и ничего там не нашли. Даже следов.

По проводам – тоже маловероятно. Они бы человеческого веса не выдержали. Подпилены на такой случай.

Теперь вариант номер два. Самоубийца. Это нас устраивает больше всего. Ставим пока галочку.

Третье. Его мочканули. Мало ли, какой косяк с понятиями запарол. Это для нас всех самое неприятное. Если такое выползет наружу, то наш спокойный лагерь прекратит таким быть.

Полковник умолк и начал потирать пальцы, соединив руки в замок.

– Это-то я понимаю, не маленький... – хрипло проговорил «хозяин». – Чего ты мне посоветуешь написать?

Александр Павлович сделал вид, что его очень интересует пейзаж за окном.

– Самоубийство? Так почему?

– Скажем... – задумчиво почмокал губами полковник, – обострение хронической болезни...

– Какой?.. – недоверчиво хмыкнул Зверев.

– Психиатрической. Поскребышев подтвердит. Ему все равно.

– А ведь это выход! – воскликнул Авдей Поликарпович до которого дошла выигрышность подобного очковтирательства. – А коли Лапша найдет кто его мочканул – пойдет на раскрутку. Не найдет... – подполковник попытался задуматься.

– Уж кто-кто, а Лапша найдет! – заверил Васин.

– Тогда... – подполковник откинулся в кресле и расслабился, – пусть мне подготовят докладную. Я подпишу.

ГЛАВА 2. Ночные вопли.

1. Дачница

Короткие волосы на затылке Николая зашевелились. Куль кожей чувствовал, что вслед ему обращены десятки взглядов из отъезжающего автобуса. Ему неистово захотелось обернуться, выкинуть какой-нибудь фортель, послать это раздолбанное транспортное средство, вместе со всеми пассажирами, на детопроизводный орган, но Кулин сдержался, продолжая мерно вышагивать в обществе Мотыля и Главной Скотины.

Место их назначения было известно заранее и по пути в гараж никто из них не проронил ни слова. Лишь Мотыльков насвистывал себе под нос что-то блатное. Леонид Степанович неодобрительно косился на зека, но замечания делать не стал. Мотыль на голову возвышался над Покрышкиным и, Николай видел это собственными глазами, мог почти без усилий разорвать подкову. На бесконвойку Сергей Мотыльков перешел из ремонтников, где занимался токарными работами и прославился тем, что голыми руками останавливал шпиндель станка. Ни с кем особо Мотыль не кентовался, ничего про себя не рассказывал и Куль так до сих пор и не знал за что этот богатырь поимел срок. Статья, конечно, была известна всем – 206-я, хулиганка, но что конкретно нахулиганил Мотыльков знали лишь отрядник да кум.

С Кулиным Сергей держался ровно, впрочем, как и со всеми. Николай же ценил такие отношения и не лез, что называется, в душу, зато, если требовалась физическая сила, сразу звал Мотыля и тот, без гнилых зековских подколов «А чо я за это наварю?» шел и помогал.

Свернув с асфальта на грунтовый проход между магазином и почтой, троица вышла к стене колхозного гаража. Полсотни метров по глине, поворот, и Покрышкин, даже не проверяя идут ли за ним зеки, вошел на двор, где стояли полуразобранные грузовики и, в дальнем углу, валялась груда металлолома, которая когда то была черной «Волгой» председателя колхоза. Теперь председатель рассекал на джипе. Двор был тих. Все колхозные водители уже разъехались по заданиям и лишь откуда-то слева доносились мерные удары металла о металл.

– Эй, Мирон! – что было мочи заорал Леонид Степанович.

– Чего? – донеслось откуда-то снизу.

Мирон, которого звал Главная Скотина, был начальником гаража, но не гнушался и сам залезть в ремонтную яму, откуда и подал голос.

– Бросай свою дохлятину! – уже потише крикнул Покрышкин, – Я те дармоедов при- вел!

– Дармоедов, говоришь... – начальник гаража появился из-за заляпанного грязью «ЗИЛа». Мирон, Петр Андреевич Миронов, сколько его помнил Кулин, всегда выглядел одинаково: кепка, прикрывающая лысину, гладко выбритый подбородок, засаленная телогрейка, заскорузлые руки, на пальцах которых, сквозь пятна солидола и мазута просвечивали несколько наколотых перстней. Петр Андреевич сам отсидел в сталинских лагерях и, в отличие от большинства заносчивых колхозников, относился к зекам с пониманием.

– Вот, – Покрышкин указал на Мотылькова и Кулина, словно без его помощи начальник гаража сам не смог бы их разглядеть, – прими и распишись.

– Ну, мужики, – подмигнул Мирон, расписываясь в поданных Леонидом Степановичем бумагах, – будем бычить или благовать?

– Да, как обычно... – без тени улыбки пожал плечами Мотыль.

– Ты, Мирон, с ними тут не панибратствуй. – сурово предупредил Главная Скотина.

– Да ладно, – отмахнулся Петр Андреевич, – Они ж нормальные мужики, только судьба не подфартила...

Но сказано это было уже в спину Покрышкину. Главный скотник, не прощаясь, быстро улепетывал к воротам, словно его на буксире притягивал запах свинарника, а вонь бензина и машинного масла являлась для него отталкивающим концом магнита.

– Как на счет чихнуть перед работой? – теперь Мирон уже говорил совершенно серьезно.

– Положительно. – кивнул Николай. Мотыль присоединился к этому мнению.

Банка с чифирем прикрытая фольгой уже стояла на ящике прямо за воротинной гаража. Николай никак не мог понять, как Мирону удастся запарить чай в точности к приходу бесконвойников так, что тот успевал настояться и при этом не простыть.

– Вроде, нормально запарился... – Петр Андреевич поднял банку и посмотрел на просвет. Стаканы стояли тут же, рядом. Сняв импровизированную крышку, Мирон, почти не глядя, разлил литровую емкость по хапчикам. На дне еще оставалась заварка с нифилями и банка встала на прежнее место.

– Сдвинули. – кивнул сам себе бывший зек и отпил два маленьких глоточка. Мотыль и Кулин последовали его примеру. Несмотря на то, что здесь каждому досталось по целому стакану заварки, все, по укоренившейся привычке или негласной тюремной традиции, пили именно по паре глотков.

Николай с удовольствием глотал горячий терпкий настой, чувствуя, как чифирь постепенно начинает действовать, прогоняя остатки сонной одури, заставляя сердце биться чаще и радостнее. Даже холодный и промозглый утренний воздух стал казаться не таким противным. На Кулина нашла благодать. Он, на краткие мгновения примирился с окружающей его действительностью, почувствовал в своем пресном существовании какой-то вкус.

– Теперь о деле. – произнес Мирон когда пришла пора разлить остатки чихнарки. – Тебе, Мотыль, с утра надо сделать несколько ходок на станцию. Там два вагона с удобрениями стоят уж больше суток...

Станция, о которой говорил Петр Андреевич, была сортировочной станцией местной железной дороги. То, что Сергея посылали именно туда говорило о том, что Мирон не сомневается в надежности Мотыля. Кулина это не огорчало, Мотылькову до откидона оставалось не больше трех месяцев, он уже и заявку на волосы подписал у замполита и теперь щеголял короткой, но прической.

– Теперь ты, Куль... – повернулся Петр Андреевич к Николаю. – Разнарядка такая: две ходки со щебнем для твоих приятелей. Потом заскочишь в овощехранилище и забросишь к себе в лагерь картошку и все такое прочее...

Мирон говорил, а Кулин запоминал и прикидывал, где и как во время этих работ можно схалтурить. Так, гоняя за щебнем, обратно можно было захватить навоз и спихнуть его дачникам. А уж ездой в зону сам Бог велел воспользоваться. ГАЗ Николая давно был оборудован несколькими тайниками в которых могли быть спрятаны как водка, так и чай. И то, и другое за колючкой цену имело выше в два, а то и более раз. Так что сегодняшний день обещал быть удачным.

Бесконвойники допили чифирь, получили от Петра Андреевича маршрутные листы и накладные. Рабочий день начался.

В иные дни, когда Николай не был столь загружен, ему удавалось на полчаса-час съездить и в Хумск. Местные ГАИшники практически не проверяли грузовики и поэтому риск схлопотать нарушение, расконвоированным запрещалось отдаляться от зоны на расстояние более пяти километров, был минимальным. Но все равно, в целях личной безопасности, Куль надевал телогрейку без бирки, которую были обязаны носить на груди все зеки. Риск оправдывался. Лишь в городе можно было приобрести разного рода таблетки, начиная от «теофед-

рина» и кончая «этаминалом натрия», на которые в среде блатных пользовались постоянным спросом. Да и выбор необходимых зекам продуктов был куда разнообразнее, чем в колхозном магазинчике или лавке при железнодорожной станции. Еще одной роскошью, которую мог себе позволить Кулин тайком наведываясь в Хумск, был обед в столовой. Зеков, что в лагере, что в колхозе, кормили достаточно однообразно. В их меню второе блюдо всегда начиналось со слова «каша». Различия были только в наименовании этой каши, хотя, очень редко, она заменялась слипшимися макаронами. Лишь в «самоволке» Николай мог отведать таких деликатесов, как шницель по-русски, сардельки, свиная отбивная... Вкус у этих произведений кулинарии был далеко не тот, что даже в захудалых московских общепитовских точках, но питаясь в городе, среди толпы вольняков, Куль ностальгически представлял, как он откинется, и не нужно будет каждое утро вставать на проверку, не будет вокруг этих опостылевших за годы отсидки рож, как залезет он в постель к жене...

На этом месте мечтания обычно давали сбой. Его жена, которая ни разу за все годы заключения не приехала к Николаю на свидание, в первом же письме заявила, что ждет его выхода лишь для того чтобы подать на развод и лишь после этого разменять квартиру. Это было весьма благородно с ее стороны. Еще одним проявлением великодушия являлось то, что супруга все-таки посылала передачи и деньги. Ни того ни другого Кулин не просил, хотя и понимал, что без поддержки с воли ему придется весьма туго, но судя по холодно-деловому стилю посланий, решил, что между ними действительно все кончено и поэтому счел, что не связан более никакими моральными обязательствами. Как только случалась такая возможность, Николай пользовался услугами местных опущенных, причем, не «месил говно», как большая часть зеков, а ограничивался лишь тем, что называлось в медицинских терминах, орально-генитальным контактом.

Но, с выходом на бесконвойку, нужда в пидорах отпала.

В одну из ездов Куль познакомился с Ксенией, дачницей, которая, жила в своем пригородном домике почти что круглый год. Николай никогда не интересовался чем она занимается, но было похоже, что здесь, в глубинке, эту достаточно молодую особу прячет от всяких посягательств ее благоверный.

Произошло это достаточно случайно. Кулин зимой, только-только получив возможность шоферить, ехал со станции в колхоз, завершая последнюю на тот день ходку. На железнодорожном переезде шлагбаум был закрыт и стояла очередь из легковушек и грузовых машин. Непонятно почему, но эта женщина выбрала именно ГАЗ Николая. В тот момент он думал лишь о том как бы не опоздать на автобус, который должен был доставить бесконвойников обратно в монастырь. И, когда раздался негромкий стук в окно, Куль не обратил на него внимания, весь погруженный в свои мысли. Стук повторился. Повернув голову, Николай, сквозь запорошенное снегом дверное окошко увидел лишь какой-то светящийся ореол. Через мгновение дверца распахнулась и перед Кулиным возникла она. Фары стоящего за ГАЗом автомобиля подсвечивали наброшенный на голову капюшон ее светлой шубки и казалось, что это светится сам мех, окружая темные волосы женщины сияющим нимбом.

– Вы не подбросите? – спросила она.

Николай, ошалев от чудного видения, дольше, чем требовалось, смотрел на незнакомку, пока наконец порыв холодного воздуха из распахнутой двери не привел его в чувство.

– Залезай... те... – хрипло проговорил Кулин.

Женщина споро забралась в кабину:

– Вы даже не спросили куда мне надо... – с несколько обиженной интонацией проговорила попутчица и лишь теперь Куль понял, что она очень молода.

– И куда вам надо? – послушно осведомился Николай.

– Ой, вы такой смешной! – расхохоталась вдруг девушка.

– Почему это? – опешил Кулин.

– Вы на меня смотрите так, словно никогда женщин не видели...

– Последние годы – да.

– Да как так может быть?! – на лице незнакомки читалось такое искреннее удивление, что Николай и сам не заметил, как рассказал ей про себя почти все. К тому времени Ксения уже разъяснила куда надо ехать, и Куль, несмотря на то, что ему приходилось делать крюк порядка десяти лишних километров, гнал и гнал машину по скользкой зимней дороге. Он не думал, что это случайное знакомство может принести какие-то плоды, однако, когда однажды Кулин закончил работу гораздо раньше, чем обычно, он вдруг поймал себя на мысли, что ему чертовски хочется еще раз увидеть эту странную женщину. Адреса ее он не знал, но зрительная память сработала безотказно и вскоре Николай притормозил у невзрачного двухэтажного домика.

Свет в окнах горел, Куль с минуту потоптался у калитки, вздохнул, и решив «будь что будет», шагнул во двор.

Ксения, к удивлению бесконвойника, узнала разоткровенничавшегося водителя, посадила его в большой комнате, хлопотала на кухне. Потом они пили чай, болтали о каких-то незначущих вещах. Николай пожирал девушку глазами и при этом не забывал постоянно поглядывать на часы.

Наконец, когда пришла пора уходить, хозяйка проводила Николая до машины и шепнув: «Заходи еще, ладно?» – поцеловала, захватив своим лобзанием и щеку, и губы.

От этого женского прикосновения Куль ошалел. Фантазия его разыгралась в полную силу. Он почти наяву видел все эти эротические сцены, при этом умудряясь не врезаться в попутные столбы и сугробы.

Это изменение состояния Кулина увидели все бесконвойники.

– Чего это у тебя глаза так блестят? – спрашивали Николая, – Что, козырный сеанс отхватил?

Не имея возможности, да и желания, рассказывать что действительно произошло, Куль соврал чего-то правдоподобное. Зеки восторженно поцокали языками, и прекратили обращать на Кулина внимание. Но Николай уже не мог забыть эту девушку.

2. Кум и лепила.

После визита Котла, Игнат Федорович наскоро набросал все то ценное, что сообщил ему завхоз. Ценного набралось всего три строчки убористого текста. Но это, ободрил себя Лакшин, только начало. Теперь следовало по горячим следам навестить Поскребышева пока тот не начал удовлетворять свои разнообразные потребности.

Михаил Яковлевич Поскребышев был капитаном медицинской службы. Он ухитрялся одновременно обслуживать и роту конвойников, и взвод внутренней охраны зоны, и самих зеков. Впрочем, ко всем ним он питал одинаковые чувства, или, скорее, полное их отсутствие. Прием пациентов Поскребышев вел с апатичным видом, зачастую не давая себе труда выслушать больного до конца. Когда пришедший к нему начинал уж очень детально перечислять симптомы заболевания, Михаил Яковлевич прерывал говоруна и спрашивал:

– Говори четко: где болит?

И, следуя из ответа, рылся в своем шкафчике и давал пациенту несколько таблеток. Чаще всего это был глюконат кальция, вещество совершенно безвредное, но и бесполезное. Но, что самое удивительное, больные от него выздоравливали. Впрочем, славы целителя Поскребышеву это не приносило, у него даже не было прозвища, как практически у всех, кто так или иначе был связан с зеками. Его называли просто – лепила, а само это слово означало врача на блатном диалекте.

Впрочем, несколько раз активное нежелание Поскребышева ставить диагноз едва не доводило его до беды. Так случилось когда он отмахнулся от зека с приступом аппендицита и тот через два дня скончался от обширного перитонита. Но вскрытие производил сам Михаил Яковлевич, который и написал, что зек помер от отравления суррогатом спирта. Был небольшой шум, но указанный лепилой суррогат официально применялся в одном из производств и версия с отравлением прошла.

Другой раз объектом неверного диагностирования оказался солдат-вышкарь. Зимой, во время дежурства у него ветром сорвало шапку. Пост покинуть он не имел права, на его звонок начальнику караула с просьбой принести новую, он был послан далеко и надолго, а мороз тогда стоял градусов тридцать. У вышкаря за три часа на промозглом ветру оказались обморожены уши, а через пару дней он свалился с сильнейшей мигренью. И вновь Поскребышев облажался, не сумев определить менингит. Но и на этот раз все сошло Михаилу Яковлевичу с рук именно из-за его халатности. В журнале записи пациентов он попросту забыл отметить визит этого солдата. Поскольку официального обращения к медицине не было, то и винить ее не имело смысла.

Но кое-какие медицинские умения у Поскребышева все же наличествовали. Так, он без труда определял туберкулез, мог наложить шину на сломанную конечность, продезинфицировать и зашить поверхностное ножевое ранение. Особую страсть Михаил Яковлевич питал к стоматологии. Но лишь к одному ее направлению – хирургии, а точнее, к удалению зубов. И эту процедуру он делал виртуозно, хотя принципиально не пользовался обезболиванием.

Множество зеков и солдат лишились своих коренных в кабинетах Поскребышева. Причем сами вырванные зубы Михаил Яковлевич никогда не отдавал их прежним владельцам, а промывал спиртом и выставлял на особую полочку, где их собралась уже порядочная коллекция.

Кроме этой странной страсти, у лагерного лепилы было и другое увлечение. Впрочем, в медицинских кругах оно однозначно именовалось болезнью и носило неприятное название «наркомания».

К этому пороку Поскребышева привело банальное любопытство. Еще в годы обучения в военно-медицинской Академии, он попробовал промедол из шприц-тюбиков. А когда

получил распределение в одну из частей, простое увлечение переросло в насущную потребность. Аптечки с препаратами на случай ядерной войны лежали на складах тысячами. И в каждой находилось полтора миллилитра вожделенного раствора. Неудивительно, что во время одной из ревизий Михаилу Яковлевичу не удалось скрыть пропажу промедола, но начальство предпочло не выносить сор их избы и Поскребышева перевели. Ему пришлось сменить еще три места службы пока судьба не закинула Михаила Яковлевича в учреждение АП 14/3.

К тому времени он уже успел побывать в анонимной наркологической клинике, вылечиться от физиологической зависимости от наркотиков, но ни один врач, Поскребышев прекрасно осознавал это сам, не сможет вылечить от наркомании, если того не захочет сам пациент. А пациент не хотел. Мало того, пообщавшись с опытными наркоманами, Михаил Яковлевич понял, что не в промедоле счастье, точнее, не в одном промедоле. И с тех пор военврач начал употреблять все, что хоть каким-нибудь образом могло дать или забытье, или напротив, небывалую ясность рассудка.

У Поскребышева были богатейшие залежи таблеток, ампул, капсул. Все они бережно хранились его предшественниками и предназначались для солдат или зеков, но до адресата, естественно, не доходили. Михаил Яковлевич, не делая секрета из своего порока, частенько пытался поделиться своими таблетками с офицерами, но те брезгливо отнекивались, что нисколько не уменьшало самомнения доктора-наркомана.

К Игнату Федоровичу лепила относилась со смесью почтительности, которая была вызвана тем, что от опера порой волнами исходило ощущение непонятной опасности, и запанибратской дружелюбности. Последняя появилась относительно недавно и объяснялась тем, что после кучи намеков, осторожных расспросов и блужданий вокруг да около Поскребышев уяснил для себя, что Лапша, вроде бы, ничего не имеет против его любви к травлению докторского организма разнообразной фармакологией.

Кум застал Михаила Яковлевича в солдатской больничке. Поскребышев сидел в своем кабинете и, покачиваясь на стуле, крутил перед глазами небольшой стеклянный пузырек. В нем, под слоем жидкости, перекачивалось что-то, поворачивающееся к оперативнику то белой, то темной частями.

– Зуб. – пояснил врач на безмолвный вопрос Лакшина. – Отменный моляр. Смотри, какие корни – мощные, разлапистые. Настоящий дубовый пенёк. И что? Его хозяин, некто Синичкин, довел этого красавца до Бог знает какого состояния! И теперь он, шестой, правый, нижний, плавает тут в спирту и ждет помещения на полку.

А теперь скажи, есть ли на свете справедливость?

Разумеется, Игнат Федорович и не собирался отвечать на такой риторический вопрос. Уже сам факт того, что Поскребышев затронул эту тему, значил, что врач уже успел принять какое-то из своих снадобий и теперь находится в благостно-философском расположении духа.

– Молчишь? – продолжал лепила, – И правильно делаешь, ибо само это слово – суть категория философская и по сему однозначной трактовкой не выражается.

– А как на счет справедливого акта вскрытия? – вставил Лакшин, который давно понял, если не заткнуть докторский фонтан, то он так и будет журчать до бесконечности.

– Вскрытие? – поднял брови Михаил Яковлевич. – Ах, да... Точно, привезли мне одного жмурика. Тоже ведь, посмотри, жил человек, никого не трогал...

– Зато тронули его... – холодно прервал Поскребышева оперативник. – И я хочу знать, не трогали ли его раньше и все такое...

– Я, собственно, еще не начинал... – врач развел руками в беспомощном жесте и попростеcki улыбнулся.

– Так, давайте, не откладывая, и начнем. Сам понимаешь, Михаил Яковлевич, писулька мне сейчас не нужна – нужна суть.

– Сейчас, так сейчас... – безропотно согласился Поскребышев. Он кликнул медбрата, приказал ему приготовить тело и инструменты для вскрытия, а сам подошел к прозрачному медицинскому шкафчику и стал перебирать упаковки с таблетками и ампулами.

– Для того, чтобы хорошо делать свое дело, – говорил лепила, обращаясь, скорее в пустоту, нежели к Игнату Федоровичу, – нужно для него особое состояние. Вот, скажем, зуб рвать надо в состоянии благорасположения ко всему сущему. А иначе боль с пациента может перескочить на тебя, а что это за врач у которого у самого зубы ноют?

А вот для вскрытия, как сейчас, состояние должно быть угрюмой сосредоточенности. Дабы и помнить о тщете всего подлунного мира, и, одновременно, не иметь смелости и наглости сравнивать себя с Демиургом, расчленив при этом его творение...

Поскребышев болтал без умолку. Он, наконец нашел какие-то таблетки, принял сразу несколько штук. Его речь прервалась лишь на те мгновения, что врач запивал «колеса» водой. Однако, вскоре их действие начало проявляться и Михаил Яковлевич на глазах мрачнел. Через небольшой промежуток времени он умолк, сел, прислушиваясь к себе и, наконец, резко встал:

– Я готов. Пойдемте.

Лакшин уже не раз имел возможность наблюдать такую метаморфозу, но всякий раз поражался, хотя и старался не показывать вида, как воздействие лекарственных средств может радикально менять человека. Из расхлябанного болтуна, без меры жестикулирующего и выдающего на гора тонны чепухи, Поскребышев преобразился в серьезного делового человека, со скупыми, расчетливыми движениями, который говорит что-либо лишь в случаях крайней необходимости.

В операционной, которой предстояло послужить на время прозекторской, санитар уже заканчивал последние приготовления к вскрытию. Михаил Яковлевич, не останавливаясь, прошел мимо стола, на котором, покрытый зеленой простыней, лежал труп Гладышева. Врач, неторопливо и тщательно вымыл руки, с хрустом надел резиновые перчатки и лишь после этого знаком приказал санитару подать халат. Все это время Игнат Федорович хмуро стоял у входа в операционную, понимая, что раз полезен он тут быть не может, то нужно попытаться хотя бы не мешать.

– Что ж, начнем... – сухим тоном проговорил врач и подошел к столу с трупом. Его помощник немедленно сдернул простыню с тела.

Мертвеца уже вымыли и теперь Игнат Федорович получил возможность рассмотреть покойного Гладышева. Он оказался спортивного сложения, с рельефной мускулатурой живота. Волос на теле оказалось немного, да и те группировались на груди, да на лобке. Через мгновение, кум заметил, что вместо того, чтобы рассматривать тело покойника, он приник взглядом к его гениталиям, словно мужские достоинства мертвеца были самым важным во всем его теле.

– Это нормальная реакция. – холодно констатировал Поскребышев, перехватив взгляд Игната Федоровича и заставив того покраснеть и отступить на шаг, – Гениталии являются самым ярким пятном на человеческом теле и просто обязаны невольно притягивать взоры. Правда, рассчитано это на самок...

Михаил Яковлевич внезапно умолк, сам пристально уставившись на пах трупа. Затем, рукой в перчатке, доктор приподнял пенис, осмотрел мошонку странного черно-красного цвета. Хмыкнул.

– Что? – Настороженно спросил Лакшин.

Поскребышев не ответил. Оставив гениталии мертвеца, он прошелся пальцами по ногам, потом по рукам трупа, опять хмыкнул.

– Нож. – прозвучало требование.

Взяв мертвеца за волосы, Михаил Яковлевич сделал разрез от одного виска до другого. Обнажилась полоска кости. Крякнув, Поскребышев сильным движением стянул с черепа кожу головы. От такого зрелища Игната Федоровича замутило.

– Так и есть. – поднял брови врач.

– Что? – вынужден был повторить свой вопрос начальник оперчасти.

– Убийство.

– Точно?

– Смотрите, – врач указал окровавленным лезвием ножа на левую часть черепа. – Этому зычку проломили голову.

Место, на которое указывал доктор выделялось темно бордовым, почти черным квадратом на красно-розовой поверхности черепной кости и казалось утопленным по сравнению с остальной поверхностью головы.

– Ударили, скорее всего, ломом, или киянкой, молотком в крайнем случае. А на колья сбросили уже полутруп.

– Ты уверен?! – Лакшин вгляделся в лицо убитого, словно надеясь что тот вдруг раскроет глаза и сам расскажет кто и за что лишил его жизни.

– Ошибиться тут невозможно. смотри, вся морда у него в ссадинах и кровоподтеках. Сам знаешь, зеки в лицо не бьют, а если и бьют, то уже приговоренного. Причем отметилили его незадолго перед смертью. За полчаса, максимум.

И еще могу посоветовать. От таких ударов на костяшках бьющего обязательно должны остаться следы. Присмотрись к своим зычкам. Авось и выпечишь кого...

Кума замутило от вида препарируемого трупа. Он покачнулся и едва не ухватился, чтобы удержать равновесие, за край операционного стола.

Новость не была для Игната Федоровича неожиданной, подспудно он был готов к такому повороту событий, но быть готовым и получить недвусмысленное подтверждение – это две совершенно разные вещи.

– Спирт есть? – с внезапной хрипотой в голосе спросил Лакшин.

– Боря, – врач уже вернулся к трупу и проводил разрез от горла до паха, – выдай товарищу майору сто грамм.

– Сто пятьдесят. – поправил кум.

– Сто пятьдесят. – согласился Поскребышев.

3. Завхоз на разборках.

После разговора с кумом Котел чуть ли не бегом помчался к себе в отряд. На плацу ему встретился один из прапоров, Володя по прозвищу Тощий. Тот проводил завхоза долгим взглядом, моментально определив, что у того за пазухой что-то есть, но, видя что зек вышел из штаба, где в тот момент находился лишь главопер, не стал останавливать и шмонать Исакова.

Всю дорогу до каптерки Игоря не оставляло странное ощущение, что его обманули. Казалось бы, ничего особенного не случилось, кум держался просто, но без излишних заискиваний. Говорил тоже всякие достаточно избитые истины, но все равно, у Котла осталось впечатление, что майор чего-то недоговаривал. Хотя, чего там, намеки кум давал самые прозрачные. Но откуда Лапша все знает?..

Буквально ворвавшись в каптерку, Исаков застал там Шмасть. Кряжистый, рябой, шнырь сидел, развалившись на стуле, и наблюдал за запаривающимся чифирем. Увидев Котла, Шмасть не шевельнулся, лишь скосил глаза на тяжело дышащего Игоря.

Ни слова не говоря, завхоз вытащил куль с чаем, положил на стол. Внутри что-то булькнуло. Услышав этот звук, шнырь растянул губы в улыбке:

– От кума?..

В ответ Котел неразборчиво буркнул и, развернув газету, вытащил из россыпи чаинок стограммовый бутылек коньяка. В первое мгновение на лице Исакова было лишь откровенное недоумение, его тут же сменила ярость и он изо всех сил сжал бутылочку в ладони, словно желая раздавить этот компромат.

– Чо, тятнем? – равнодушно предложил Шмасть.

– Это... – у Котла не находилось нужных слов, – это же подстава! Ну, кум, ну, падаль!..

– Да не гоношись, – лениво протянул шнырь. – На хрен ему своего подставлять?

– Чего? – опешил Игорь. – С чего ты взял?

– А, – поморщился Шмасть. – Только не гони, что за жизнь с кумом перетирал. Хочешь, расскажу что было?

– Ну?

– Сначала Лапша тер за косяки, потом намекнул, что если не будешь дятлить – сгноит.

А ты согласился...

– Да ты чо, гнида?! Чтоб я стукачом?!.. – замахнулся Котел.

Шнырь даже не пошевелился, чувствуя, что завхоз не посмеет его ударить:

– А чо такого? Один хрен – ты уже кумовской. С той минуты как белую бирку нацепил.

– А ты?.. – осторожно спросил Игорь.

– Ты прикидываешься, или в натуре не въезжаешь? – Шмасть насуплено взглянул на Исакова. – Стал бы я тут штаны протирать если бы не отрабатывал? Стоит куму зубом цыкнуть – и ты, и я будем на промке бычить. А то, какая от нас польза?

Задумавшись, Котел присел на край стола, все еще сжимая в пальцах мерзавчик. Если верить шнырю, то вся зековская «верхушка» была на содержании оперчасти. И бугры, и шныри, и завхозы...

– А поскольку ты теперь под кумом, – тихо внушал Шмасть, – не рыпайся. Узнаешь чего, новость в клювик – и к Лапше. А уж он не забудет, подогреет, отмажет, в случае чего... Кумовским здесь лафа...

– Лафа... – с горечью выдавил из себя Исаков, – А как кто узнает? В момент ведь отпидорасят!..

– Ну, ты чо? – отмахнулся шнырь, – Здесь чо, беспредел? Пока разборки идти будут – тебя кум закрыть сто раз успеет, а потом в другой лагерь перекинёт. Сколько раз уж так бывало!..

Исакову только и оставалось, что пожать плечами. Сидел он не так уж и долго, а в завхозах ходил и того меньше. Пошла всего вторая неделя как предыдущий завхоз откинулся по «удочке» и на эту должность отрядник назначил Котла.

– Ну, успокоился? – Шмасть встал и положил тяжелую ладонь на плечо Игоря. – Ты врубись, сядят ведь не за то что ворует, а за то, что попался. С нами, дятлами – та же херня. Будешь бошку на плечах иметь – никто и не заподозрит.

– А кто на меня стукнул, что я девку отметелил? – Котел прищурился и пристально посмотрел в глаза шнырю.

– Сукой буду – не знаю! – рассмеялся тот. – Ты думаешь, из девок никого кумовских нет? Да они стучат все поголовно!

– Представляю, – хмыкнул завхоз, – что они цинкануть могут...

– Зря лыбишься. – серьезно проговорил Шмасть. – Это жутко ценные сведения – кто сколько палок может кинуть. Если говно часто месишь – значит тебе и тут хорошо и ты забил на зеленого прокурора. А уж коли не месишь, и на клыка не наваливаешь – верняк побегушник.

– Да, кончай порожняки гонять! – Котел успокоился окончательно и уже внутренне смирился со своей новой участью. – Давай чихнем лучше... Один хрен больше делать не фига...

– Ты разливай, я сейчас. – подмигнул шнырь и, стукнув щеколдой, вышел в секцию.

Пока Исаков, обхватив раскаленную банку полотенцем, наливал чихнарку в два хапчика, Шмасть командовал мужиками из второй смены:

– Эй, мухоморы! Да, ты, Купец, и ты, Валенок! Не понял?.. Живо за ведрами и тряпками! Чтoб через полчаса пол блестел как котовьи яйца! Чo? Отмазки? Да я те Шмасть сотворю! Понял, да? Понял, нет? Если не понял, то как? Мухой, блин! Ясно?!

Слушая эти крики, гулко раздававшиеся под сводчатыми потолками бывших сестринских палат, где теперь обитали зеки, Котел ухмылялся под нос и завидовал. Он сам, конечно, неплохо командовал мужиками, заставляя тех и поддерживать порядок в секции, и выполнять разные поручения, типа отнести белье в прачечную или подмести асфальт в локалке, но до той уверенности, с которой раздавал распоряжения Шмасть, Игорю было далеко.

– Бычат. – довольно протянул шнырь входя в каптерку и запирая за собой дверь. – Давай, по капельке...

– А не застремают?

Шмасть звонко расхохотался:

– Чаек весь запах отобьет. Мы же с тобой не бухать собрались?

– А Пепел где? – полюбопытствовал Игорь.

– А, у отрядника. Стенгазету рисует.

– Наверное, надо позвать? – нерешительно предположил Котел.

– Щас. – кивнул шнырь и опять скрылся за дверью. Вернулся он через минуту вместе со вторым шнырем, Андреем Перепеловым, которому несколько усекли фамилию, в результате чего и появилось его прозвище – Пепел.

– Я, слышал, в наших рядах пополнение? – осклабился Андрей, сразу устраиваясь на стуле. – Есть чем обмыть?

Котел показал коньяк.

– У, ништяк! – хохотнул Пепел. – Сто лет конину не хавал.

– Сто лет? – губы Шмасти растянулись в кривой ухмылке, – А кто третьего дня водяры хлопнул?

- Так то водочка... – умильно проговорил Пепел.
- Ладно, будем базары базарить, или обмывать? – сурово спросил Исаков.
- Знамо дело – обмывать! – отозвались шныри.

Появился третий стакан, в который Котел сразу плеснул примерно треть мерзавчика и долил чифирем. Остальное он разлил по первым двум хапчикам.

- Ну, за нашего нового друга! – провозгласил тост Шмасть.

Шныри и завхоз сдвинули стаканы, отхлебнули по паре глотков. Игорь тут же потянулся за карамелькой и захрустел, выдавливая из ее внутренностей густое повидло. Чай с коньяком подействовал сразу. По телу Исакова разлилась приятная теплота, и он, впервые за последние полгода, понял, в каком же диком напряжении он прожил все это время.

- Эх, хорошо... – невольно вырвалось у Котла.
- Угу. – кивнул Пепел.

Игорь сделал еще два небольших глотка и понял, что пришло время кое-что узнать.

– Слышите, мужики, – Исаков посмотрел сперва на Андрея, потом на Шмасть, – А в натуре, что за мужик был этот Гладышев?

Пепел отхлебнул из хапчика, сплюнул чайинку:

- Странный он был...
- Кой хрен странный, – махнул рукой Шмасть, – гонщик.

– Не скажи, – Андрей покачал головой, – Был бы гонщиком – не висеть бы ему на решке...

- Мужики, за что базар-то? – уточнил Котел.

– Да, пустое, – Шмасть наморщил нос так, что рыжие волосы из него затопорщились в разные стороны.

- Короче, хотел он в побег уйти. – пояснил Пепел.
- Да как?

– Сам не слышал, но сосед его по шконке, Ацеулов, знаешь такого, раз слышал, что Гладкий базарил за тайные ходы. Будто они проходят сквозь все эти стены и ведут на волю.

- И чего?

– А ни хрена. Эти базары тут каждый день идут. – презрительно хмыкнул Шмасть.

– А, может, в натуре ходы есть? – предположил Исаков, – стены-то вон какие толстенные...

– Были бы ходы, – веско проронил рябой шнырь, – их менты в первую голову разнюхали бы. Разнюхали – и замуровали.

- А если не все? – с ухмылкой спросил Андрей.

– Брось! Если кто нашел бы, пошел в бега, знаешь какой шухер бы поднялся?

– А ведь был такой шухер... – поднял указательный палец Пепел. – шесть лет назад отсюда четверо ушли. И с концами.

– Телега это... – скривился Шмасть. – Небось менты по тихому мочканули – и вся недолга...

- Как знать... Эти бегунки ведь с нашего отряда были...

– Ну тебя в манду, – шнырь жадно отхлебнул чая, крякнул, – Вроде, с верхним образованием чувак, а в такую лапшу веришь...

- Может, ты скажешь, что и привидений не бывает?

– Не бывает! – отрезал Шмасть.

– А ты пошоркайся ночью на третьем этаже. Не слыхал сколько зеков там чеканулось?

– Параша! На третьем, сам знаешь, – одни старперы, да кухонные боксеры. У них поголовно 62-я, а это что значит? Правильно, с мозгами у них не вась-вась.

– Но не будут же столько лет одни и те же порожняки гонять? Если идут базары про ходы и привидения – значит есть на то причина.

– Ага, ты чифирю с колесами нахавайся – еще не такое приглючится...

Котел слушал эту беззловную перепалку шнырей и никак не мог сообразить, рассказывать о ней куму, или Лапша и так знает про все зековские слухи. Когда же хапчик опустел, Исаков, вспомнив слова Шмасти про клювик, решил, что сообщить об этом разговоре след в любом случае. Даже если шныри сами передадут куму содержание всей беседы.

4. Шмон в 8-м отряде.

Пепел, захватив опустевший мерзавчик, ушел в кабинет отрядника дорисовывать стенгазету. Котел и Шмасть остались в компании банки с нифилиями, да нескольких недоеденных карамелек. До завтрака второй смены оставалась куча времени, целых полчаса, и делать было абсолютно нечего. Андрей уже успел сходить в библиотеку за свежими газетами и теперь Исаков лениво их пролистывал.

Начальник восьмого отряда, старший лейтенант Умывайко, пытался поддерживать свой культурный уровень. Делал он это, естественно, за счет зеков. Каждые полгода, когда шла подписная компания, личные счета осужденных подвергались безжалостной ревизии. Каждый, у кого на счету оказывалось достаточно денег, обязан был выписать какой-либо толстый журнал или газету. Так отрядник оказывался обладателем полутора-двух десятков журналов, начиная с «Иностранной литературы» и кончая «Сибирскими огнями». Неизвестно было, доходили ли у него руки до них, но шныри и завхоз регулярно изучали новинки мировой литературы.

Сегодня пришел очередной номер «Нового мира», которым, после распития алкогольного чифирия, занялся Шмасть. Но не успел шнырь изучить оглавление номера, как в дверь каптерки требовательно заколотили.

– Кого еще там несет? – рявкнул Котел.

– Какого хрена заперлись? Блин! – раздалось из-за двери.

Голос не был похож на обычный зековский и Игорь опрометью вскочил и отодвинул щеколду. В каптерку немедленно ввалились двое прапорщиков, вооруженных резиновыми дубинками. Одним из них был встреченный Котлом на плацу Вова Тощий, вторым оказался Гена Жбан, низенький, плотный, с непропорционально длинными руками. Вместе эти прапора производили достаточно комичное впечатление, если бы не их репутация отъявленных беспредельщиков.

– Ну, – Жбан оглядел зеков, подцепил пальцем нагрудную бирку Шмасти, прочитал фамилию, – почему осужденные Клоповник и Исков заперлись? Почему в помещении накурено? Почему в жилом помещении ноги в сапогах?

Шмасть ненавидел когда его называли по фамилии, но в этот раз сдержался, постаравшись ответить медленно и вежливо:

– Мы проводили подготовку к политинформации. А заперлись, чтобы прочие несознательные элементы из осужденных нам не мешали...

– Ах так... – закивал Жбан, словно забыв про остальные вопросы, – тогда ладно... А это что? – он указал дубинкой на стоящую на подоконнике банку с нифилиями.

– Так, купчика попили... – вставил Котел.

– Чего-то до хрена чаю для купчика... – хмыкнул Тощий.

– Вторяк... – поморщился Шмасть.

– Ой, гонишь!.. – недоверчиво осклабился Жбан, показав свои огромные кривые желтые зубы. – Все выжрали, нам ни хрена не оставили... Закреть бы тебя суток на тридцать...

– За что, начальник?.. – удивленно развел руками шнырь.

– А чтоб начальство не обманывал! – объяснил Тощий.

– Ладно, – Жбан резко махнул дубинкой, едва не зацепив банку, – на сегодня – прощаю. Цени, зычара мое хорошее настроение, а то почесал бы тебе спину рычагом перестройки! Мы, собственно, сейчас по другому делу.

– Для такого начальства – любая помощь! – подобострастно улыбнулся Шмасть.

– Где тут тумбочка этого, как его?.. – Гена наморщил лоб, – Ну, жмурика вашего...

– Гладышева? – подсказал Игорь.

– Его.

– Сейчас покажу. – Котел с готовностью направился к двери. Прапора, переглянувшись, пошли за ним.

В жилой секции почти никого не было. Часть зеков курила на улице, часть читала прессу в комнате ПВР. Те же, кто находился в секции – третья смена, уже спали после трудовой ночи. Все прочие двухъярусные шконки были одинаково заправлены синими байковыми одеялами. На первый взгляд помещение можно было бы принять за обычную казарму, но опытный взор обнаружил бы немало отличий. Таких, как натянутые между койками веревки, фотографии полуголых красоток, наклеенные на тумбочки, да бирки с именами, прикрепленные к каждому из изножий.

На одной из нижних кроватей лежал скатанный матрас. Именно к нему и повел визитеров Игорь.

– Здесь он жил.

– Тумбочка какая? – поинтересовался Жбан.

Завхоз указал.

Прапора открыли дверцу и Жбан стал методично перекладывать ее содержимое на голую решетку кровати. На свет появились две банки повидла, одна из них открытая, завернутый в вощеную бумагу кус маргарина, полбуханки белого хлеба в целлофановом пакете, кулек с карамелью, с десяток пачек «Ватры». Стандартный набор, который можно было найти в любой из зековских тумбочек.

Кроме продуктов Жбан брезгливо вытащил несколько носков, каждый из которых хранил кропаль чая, электробритву. В газете, которая покрывала дно тумбочки, обнаружилась заточка, сделанная из ножовочного полотна.

– Ага! – плотоядно потер руки Тощий – Запрещенные предметы!

В ящике тумбочки ничего, кроме нескольких конвертов, да общей тетради в темно-коричневой обложке обнаружено не было. Жбан пролистал тетрадку. Никаких записей, лишь чистые листы. Он уже был готов кинуть ее в кучу на койку, как вдруг его внимание привлекли крохотные цифры в уголках каждой страницы. Нумерация начиналась с 35-ти. Прапорщик вновь просмотрел страницы. Да, цифры дальше шли по порядку, до самого последнего листика. Жбан хмыкнул и захлопнул тетрадь. И лишь всмотревшись в обложку обнаружил там едва заметную надпись: «дневник».

– Так этот хмырь еще и дневник вел... – Гена похлопал ладонью по тетради.

Котел молча пожал плечами.

– И чо он там кропал? Знаешь? – голос прапорщика не нес в себе явной угрозы, но от этих слов Исаков похолодел.

– Не... – с трудом выдавил из себя завхоз.

– И куда все эти листки подевались тоже не знаешь? – Эта фраза уже была произнесена таким ледяным тоном, что Игорь понял – от ШИЗО его спасет только чудо.

– Да, херовый из тебя завхоз, коль не знаешь чем твои зеки дышат. – резюмировал Вова Тощий и не по доброй улыбнулся.

– Да я только неделю... – попытался оправдаться Котел.

– Да не гоняй, – ободряюще подмигнул Жбан и взмахнул одними пальцами, так, что они хлопнули о ладонь, – Запорол косяк, ну и хрен с ним. Косячная ведь ты морда?..

Под косячной мордой обычно подразумевались те, кто носил «косяки» на рукаве, продолговатые полоски ткани на которых была написана должность зека. Таких было немного: бугры, шныри, завхозы, начальники разного рода секций. Но сейчас прапор явно имел в виду другое значение слова «косяк» – ошибка или провинность.

Завхоз почел за лучшее промолчать.

– Ну чо? Давай, собирайся. – приказал Тощий, поигрывая дубинкой.

– Куда? – опешил Котел.

– Как куда? В шизняк!.. – и прапора звучно расхохотались.

И тут произошло чудо, на которое так надеялся Исаков.

– Что тут происходит? – раздался голос из-за спины завхоза. Спутать его обладателя нельзя было ни с кем. Кум.

– Да, – скривился Жбан, – шмон у жмурика наводим. По вашему указанию.

– И чего нашли? – холодно поинтересовался Лакшин.

Пока Гена и Вова перечисляли находки, Игорь бочком попытался выскользнуть из узкого прохода между шконками где его зажали опер и прапорщики. Ему это почти удалось, но тут перечисление кончилось и Котел вновь оказался в центре внимания.

– Подумайте, Исаков, – обратился к завхозу Игнат Федорович, – кто мог украсть записи Гладышева?

– Семейник его, Сапрунов... – неуверенно пробормотал Котел.

– Это мы проверим. А еще кто?

– Да почти любой из второй или третьей смены...

– Их список мне через полчаса. И еще список тех, кого недавно перевели из первой в другие смены. Ясно?

Исаков едва смог подавить вздох облегчения. ШИЗО, которое так внезапно замаячило на горизонте, отодвигалось обратно за его линию.

– Ясно, гражданин майор!

– Хорошо. Жду. – кивнул кум. – А где ваш начальник отряда?

– Не знаю. Обещал быть во второй половине.

– Если не встречу – пригласи его ко мне. – приказал Лакшин и, переведя взгляд на прапоров, повел ладонью, – Пошли отсюда.

Кавалькада зеленых фигур стала удаляться, а Котел по быстрому впихнув продукты обратно в тумбочку, ибо по всем законам они перешли к семейнику Гладышева, помчался обратно в каптерку.

– Чо? Пропиздон вставили? – встретил Игоря Шмасть.

– Блин, суки! – взорвался Котел. Не зная, к чему приложить вырывающуюся наружу злость, он с силой саданул кулаком по крашеной стене. – Шизняком, падали пугали. Ну, ничего, бабушка дедушку-то попугивала, а дедушка бабушку-то... Имел, блин, во все дыры, чтоб его обратно родили!

– Да, успокойся, ты... – с ленцой потянулся шнырь, – Чего случилось?

– А ни хрена, да луку мешок! Этот наш жмурик писателем оказался!

– Как писателем? – опешил Шмасть, – Стучал?

– Если бы!.. – скривился Котел, – Он, блин, дневник вел. За все туда записывал. А его взяли, да скоммуниздили!

– А ты по что знаешь? Ежели попятит его?

– Да не целиком! Листы с писулями вырвали, а обложка – на месте.

– Дела!.. – угрюмо проговорил Шмасть. – И чо теперь?

– А, – Исаков обреченно махнул рукой, – Кум заданий надавал... Списки, там, всякие. Кто в какую смену...

– Хорошо... – Шмасть почесал подбородок. – Ты, это, пиши. Кум зря задания давать не будет. А я... Дело у меня тут одно нарисовалось...

Шнырь не хотел говорить туповатому Котлу, что за идея пришла ему в голову. Ведь в лагере практически невозможно что-то скрыть. В любом случае, кто-то что-то да увидит. В одиночестве зек не бывает практически никогда. На это и рассчитывал Шмасть, направляясь в комнату Политико-Воспитательной работы. Там, как он видел несколько минут назад, читал газеты один из пригретых Шмастью зеков. И шнырь должен был настропалить того

разузнать, что за писанину разводил Гладышев. Мало ли, вдруг кто случайно заглянул через плечо?..

5. Кум и Сапрунов.

Едва Игнат Федорович в сопровождении прапорщиков вышел из здания монастыря, из динамиков на плацу послышалась хриплая «Лаванда» и голос Семенова объявил построение на проверку.

– Так, – Лакшин хлопнул по ладони свернутой в трубочку тетрадь убиенного Гладышева, – Ты, Жбан немедленно приведи ко мне Сапрунова. А ты, Володя, помоги ДПНК.

– Сам знаю... – проговорил Тощий таким тоном, что с одной стороны он, вроде бы как и огрызнулся, но с другой – в ней не было достаточной агрессивности, чтобы посчитать ее неуважительной по отношению к начальству.

Пройдя мимо уже собирающихся во дворе зеков и игнорируя бросаемые на него угрюмые взгляды, Лакшин прошел в свой кабинет и, в ожидании очередного визита, стал изучать остатки дневника.

Впрочем, исследовать было практически нечего. Майор методично просмотрел каждый листок и ничего, кроме цифр не обнаружил. Зато на самой первой странице остались какие-то отпечатки. Очевидно, покойный, когда заполнял 33-ю страницу, находился в сильном волнении и слишком сильно нажимал на ручку.

Поднеся тетрадь к настольной лампе, Игнат Федорович наклонил бумажный лист так, чтобы скользящий свет вырисовал все неровности. Появившийся текст разобрать было практически невозможно, но Лакшин обратил внимание на одну глубокую борозду, след подчеркивания. Фраза над ней прочитывалась достаточно четко: «Я вошел в стену!»

Кум глубоко вздохнул. Теперь вопрос стоял не в том, есть ли те тайные ходы, о которых так упорно судачили зеки, а в том, как их обнаружить. Причем, несомненно, кто-то уже является обладателем этой тайны. И, судя по тому, как ревностно он ее охраняет, вычислить обычными способами этого деятеля, или деятелей, будет весьма непросто.

Впрочем, если кто-то пользуется тайными ходами (кстати, зачем?), то найти его будет лишь вопросом времени. Ведь не может же один человек находиться одновременно в двух местах. Если его нет в секции – он в тайном ходе. Отсюда – банальный вывод: дежурства. Выделить в каждом отряде по несколько зеков и чтоб сидели всю ночь, высматривая тех, кто будет шоркаться в неположенное время.

И, кстати, надо бы немедленно распорядиться чтобы прапора при каждом шмоне смотрели на руки зеков. Вдруг попадется кто-нибудь со свежесбитыми костяшками?

Приняв эти решения, Игнат Федорович опять глубоко вздохнул, но уже с облегчением. Первые шаги к раскрытию убийства уже были сделаны. Теперь следовало совершить еще один.

Размышления майора прервало осторожное поскребывание по двери. Лапша быстро спрятал дневник в ящик стола:

– Входи!

– Осужденный Сапрунов Анатолий Ильич. – представился вошедший зек., – Статья 144 часть два, срок три года.

Кум не ответил, пристально вглядываясь в вошедшего. Сапрунов был одет в замызганную рабочую телогрейку без пуговиц. Из-под нее виднелась серая роба, которую выдавали этапникам. Зек явно не знал, куда деть руки, на которых виднелись плохо стертые потеки машинного масла. Тряпка серым лоскутом торчала из наполовину оторванного кармана. Сапоги у осужденного были, что называется, всмятку. Насквозь промасленные, протершиеся на голенищах. Довершали картину множество мелких латунных стружек, которые обсыпали одежду и обувь Сапрунова и придавали тому какой-то новогодний вид.

Вглядываясь в понурое лицо работяги Игнат Федорович пытался построить ход беседы. Судя по насупленным бровям и почти неподвижному взгляду, куму попался незаурядный упрямец. Чтобы расколоть такого требовалось немало терпения и тонкий психологический подход.

– Присаживайся, – Лакшин указал на стул, – чего стоишь?

– Да замызгаю я все тут...

– Ничего, – радушно улыбнулся кум, – Вот, газету подстели.

– Благодарствуйте. – сурово произнес зек.

Он принял протянутую «Правду», аккуратно обернул ею матерчатую обивку стула и уселся на самый край, настороженно скрестив под собой ноги. Майор обратил внимание, что на линолеуме кабинета после сапог Сапрунова остались масляные следы. Само по себе это ни о чем не говорило, Жбан запросто мог вытащить зека как он был, не дав переодеться, но сам факт того, что визитер не удосужился вытереть ноги, недвусмысленно говорил о подспудной ненависти к начальнику оперчасти в частности и к «козлиному» племени в общем.

– Как работаете? – бросил пробный шар Лакшин.

Зек недоуменно посмотрел в глаза куму:

– Вас это действительно интересует?

Игнат Федорович не ответил, продолжая с легким прищуром рассматривать Сапрунова.

– А хреново. – с подавленным вызовом продолжил зек. – Станки – ни к черту. Больше простаивают, чем работают. Возишься с ними сутки напролет. Руки в масле по локоть. Знаете, что от этого бывает?

Анатолий сдвинул рукав телогрейки и обнажилась мускулистая рука на которой двумя красными блямбами выступали огромные нарывы. Лапша знал о таких болезнях, но для того, чтобы реально изменить то положение вещей, которое их вызывало, необходимо было полностью переоборудовать производство. А на это у лагеря денег не было.

– Ого! – покачал головой Игнат Федорович, – А что же ты к врачу не сходишь?

– А, был я у него... – Сапрунов водрузил рукав на место, – А фигли толку... Ой, извините, гражданин майор, сорвалось...

– Ничего, ничего. – успокоил зека оперативник, – Я ж понимаю. Трудно сразу перестроиться, чтоб не материться...

Так что Поскребышев?

– Ну, чо... Мазью какой-то намазал, забинтовал все и обратно отправил. А как я с этим бинтом в станок полезу? Через пять минут от его лечебы и следа не осталось.

– Да, – задумчиво проговорил Лакшин, – Тут я ничем помочь не смогу.

Эта фраза подразумевала, что в других ситуациях на помощь кума еще как можно рассчитывать. Но зек держался крайне настороженно и, если и заглотил наживку, то никак этого не показал.

– Ладно, рубанул ладонью Игнат Федорович, – Чего вокруг да около ходить?! Ты ведь понимаешь, почему тебя с промки сняли?

– Понимаю. – кивнул Сапрунов. – Только не понимаю, почему так поздно. Обед уж на носу...

Намек был недвусмысленный и, хотя на самом деле до очередного принятия пищи оставалось около двух часов, опер принял его к сведению.

– Ну, извини, – коротко хохотнул Лапша, – У кума, знаешь, много всяких дел... Так, к делу. Сам можешь чего рассказать?

– Стучать на покойника? – укоризненно повел головой из стороны в сторону Анатолий.

Лишь сильным волевым усилием Игнат Федорович подавил в себе порыв наорать на тупого зека.

– Запомни, – твердо произнес майор, – стучать – дело добровольное. Мне от тебя этого не надо. А надо другое – помощь в раскрытии убийства. Понял?

Ключевое слово «убийство» не оказалось для Сапрунова неожиданным. И, хотя он изменился в лице, состроил круглые глаза и слегка отвесил челюсть, от всей этой мимики за версту разило нарочитостью и плохой актерской игрой.

– Ты мне глазки тут не строй, – устало вздохнул Игнат Федорович, – Переигрываешь.

– Да что вы, гражданин начальник? – непритворно возмутился зек.

– Брось. – скривился кум, – Я же вижу, что ты знал, семейник твой ввязался в какую-то авантюру. Очень опасную авантюру. Может, ты его даже и отговаривал, но он не послушал. Так?

– Странные вещи вы говорите, гражданин майор... – после секундной паузы, которая сказала куму что он, возможно, попал в точку, выдал Анатолий.

– Так, Сапрунов... – покачал головой Лапша, – Ты, как я вижу, мужик основательный. Привык все дела доводить до конца.

Анатолий, поддавшись на похвалу, невольно кивнул.

– И, подозревая некоторых осужденных в убийстве твоего друга, пойдешь им мстить... Заметь, по-человечески я тебя понимаю. Я знаю, что значит терять настоящих друзей.

Но, подумай, что из этого выйдет? Предположим, твоя месть удастся. И что? Ты станешь убийцей. Пойдешь на раскрутку.

Говоря это Лакшин пристально всматривался в опустившего глаза долу Сапрунова. Тот сидел не жив, ни мертв, понимая, что любые его слова могут быть истолкованы как доказательство его преступных намерений. И, в то же время, его молчание выдавало его красноречивее всяких вынужденных признаний.

– Теперь другой вариант, – безжалостно продолжал Игнат Федорович, – не удалась месть. И мне на шею свалится еще один труп – твой, как ты понимаешь. Или, даже, несколько... А эти подонки будут посмеиваться, рассекать по плацу и жрать чихнарку!

А теперь у меня к тебе всего два вопроса. Будешь отвечать?

Сапрунов неопределенно пожал плечами.

– Вопрос первый: где дневник Гладышева? И второй: где вход в подземелье?

– Дневник? – удивленно вскинул глаза Анатолий, – В тумбочке всегда лежал...

– Что там было написано?

– Да, ничего особенного... Витек всякие байки собирал, подколы, наколки со значением срисовывал... К нему многие за советом ходили...

– Ты сам читал?

– Я же говорю, там ничего про подземелья не было! Про привидения – да, много, а про подземелья – нет!

– Когда ты его читал последний раз? – иначе поставил вопрос оперативник.

– Да, недели две назад...

– Так... – Лакшин понял, что если зек и врет, то лишь в пределах некоторой погрешности. Этот горячий допрос дал куму больше, чем все подготовительные экивоки. – А в разговорах он не упоминал их?

– Нет, вроде... – соврал Сапрунов.

– Значит, не хочешь ты помочь мне... – сделал вывод Лакшин.

– Что вы, гражданин начальник, – истово замотал головой Анатолий, – я бы с радостью, только... не знаю ничего, что вам нужно...

– А врешь ты все, – устало улыбнулся Игнат Федорович. – Ладно, иди на обед, только знай: с этой минуты мои стукачи с тебя глаз спускать не будут. Понял? На дальняк с тобой будут ходить, если надо. Каждое слово твое теперь мне будет известно. Каждый шаг. А там,

смотри, иди, мсти. Только не обессудь, если тебя в последний момент перехватят... И раскрутят на сто два через пятнашку...

– Можно идти? – вскочил Сапрунов.

– Да, можно. Однако ты все же подумай над моими словами. Надумаешь – опусти письмо в ящик, хочешь, мол поговорить. Не надумаешь – берегись!

– Хорошо, гражданин майор. – бесцветно ответил Анатолий уже поворачивая дверную ручку. По его тону было понятно, что осужденный так и не принял предложения, решив разобраться в ситуации собственными силами.

Когда Сапрунов ушел, Игнат Федорович с хрустом потянулся и задорно щелкнул пальцами. Разговор, несмотря на нежелание зека разговаривать, удался. Лакшин не сомневался, что этого зека прямые запугивания не возьмут, но и они имели свою цель. После этого разговора Сапрунов наверняка станет гораздо осторожнее, и именно благодаря нервному напряжению, которое спровоцировал майор, зек получит возможность наделать кучу ошибок, которыми можно будет незамедлительно воспользоваться.

Теперь к тому же стало ясно, что дневником убитого многие пользовались как справочным пособием. Это, одновременно, и усложняло, и упрощало работу. Среди читавших, наверняка должны были быть кумовские. После дачи им задания – содержание вырванных листов тетрадки перестанет быть тайной. Но самое опасное содержалось именно на последних страницах. Тех, которые Гладышев заполнил, если верить его семейнику, буквально на днях. Однако, то, что украдены были абсолютно все записи, могло указывать и на то, что в зековских байках могла содержаться какие-то ключи к тайне. Вполне возможно что некто, это кстати, мог быть и сам Сапрунов, прочитав последний лист и узнав о тайных ходах, вырвал и спрятал весь дневник, связав его содержание со смертью хозяина тетрадки. И сделать это можно было лишь рано утром, или ночью, то есть после того, как стало известно, что Гладышев мертв. Теперь, кум в этом был более чем уверен, новый обладатель секрета сам отправится по описанному маршруту. А это значит – надо ждать новых трупов. Если, конечно, не принять превентивные меры. Впрочем, прикинул Игнат Федорович, это распоряжение может пока и подождать. Сейчас самое главное – прочесть что возможно из дневника Гладышева.

Обращаться в хумскую судмедлабораторию, чтобы там поколдовали над пустым листом, смысла не имело. До исполнения заказа могло пройти несколько суток. Да и, если там оказались бы какие-то крайне интересные сведения, ими тот час заинтересовались бы менты, а это пока не входило в планы Лакшина. У кума оставался единственный выход – прочесть выдавленный текст самому. И для этого майор решил испробовать один оригинальный способ.

6. Возвращение в лагерь.

Этот день для Кулина прошел как обычно. Или почти как обычно.

Пару ходок в карьер за гравием для коллег-бесконвойников, Николай провел с максимальной для себя пользой. У самого Куля денег было не слишком много и он, тихо оповестив одного из зеков что едет в лагерь и собирается взять грев, поехал за второй порцией щебенки. К возвращению Николая уже готовы были и список, и финашки. Направляясь в гараж, за накладной на продукты, Куль успел прочитать бумажку и привычно усмехнулся. Фантазия зеков не выходила за стандартные границы: чай, конфеты, хлеб, масло, сигареты с ниппелем, водка. Все это, за исключением масла и спиртного, можно было купить и в ларьке на территории зоны, но бесконвойников грело само вольное происхождение продуктов. Как некоторая нетривиальность воспринимались заказы консервов, в основном рыбных или тушенки, и супы в пакетах. Несколько раз Кулину заказывали брикеты киселя, лимонад, маринованные огурцы и перец, колбасу и сыр. Но эти просьбы, большей частью, исходили от откидывающихся, чтобы те могли с шиком отпраздновать выход на волю.

На сегодня Николаю предстояло лишь слегка увеличить официальную поставку, да провезти контрабандой одну бутылку водки.

С директором колхозного магазина, Клавдией Васильевной, тощей угловатой женщиной с вытаращенными базедными глазами и неизменной косынкой на крашенных хной волосах, у Кулина отношений никаких не было, кроме деловых. Впрочем, бесконвойник и не воспринимал директоршу как женщину. Несмотря на явную принадлежность к противоположному полу, Васильна со всеми, и мужиками, и бабами, и зеками, держалась на удивление ровно, если не сказать одинаково. Директорша просто-напросто игнорировала этих «всех». Исключение делалось лишь для председателя «Хумского партизана», да его ближайших помощников, кроме одного. Как рассказали Николаю, раньше Васильна работала главным бухгалтером. После какой-то финансовой передрыги, то ли недостачи, то ли, наоборот, ее временно турнули из бухгалтерии. То есть, это тогда, лет десять назад, было сказано, что перевод временный. С тех пор утекло много воды, но Клавдия Васильевна все еще надеялась на возвращение в прежнюю должность.

Когда Куль, постучавшись, вошел в директорский кабинет, Васильна стучала указательным пальцем в кнопки настольного калькулятора и, казалось, в упор не видела вошедшего зека. Николай, уже готовый к такому теплему приему, не говоря ни слова, подошел к столу и положил перед директрисой накладную на продукты. Та скосила глаза на досадную помеху. Одного взгляда Васильне оказалось достаточно для полного проникновения в суть документа. Достав из нагрудного кармана халата ручку, директриса поставила на бумаге свою закорючку и возобновила прерванное занятие. Так же безмолвно Кулин взял накладную и удалился.

Эта сцена, с небольшими вариациями, повторялась всякий раз, когда Николай приезжал в магазин. Сперва Куль пытался что-то сказать Клавдии Васильевне, поздороваться, попрощаться, рассказать о погоде за окном. Но все эти попытки разбивались о непроницаемую броню безмолвия. Вскоре бесконвойник прекратил бесплодные попытки, благо, что директриса всегда делала то, ради чего Николай вынужден был заходить к ней – ставила подпись.

Теперь, с подписанной простыней следовало идти к заведующему складом и получить у того по списку. Завсклад, мужик средний во всех отношениях, был полностью в курсе зековских мажор. Именно через него шел почти непрерывный поток деловья, производства «in the за колючкой». Были, конечно, и другие покупатели брелоков, печаток, фигурных ножей с наборными рукоятками, но завсклад Акимыч являлся старым и надежным оптови-

ком. Лагерное начальство, несомненно, знало о его способах приработка, но препятствий не чинило.

– Здоров, Куль! – гаркнул Акимыч, принимая накладную, и добавил на порядок тише, – Есть чего сегодня?

Николай отрицательно помотал головой:

– Может, у Мотыля? Не в курсах.

– Ну, нет, и ладно. – довольно осклабился завсклад, показав мелкие желтые зубы. – Заказец зато есть.

– Какой? – осведомился Кулин.

– Щас... – Акимыч развернул бумажку и зачитал. – Черепушка-брелок – пять штук. Скелет-брелок – шесть. Знак «Мерседеса» с подставкой и хромированный – два десятка.

Николай не стал скрывать улыбки. Появившиеся на Урале «Мерсы» тут же стали жертвами уличных пацанов, которые, стоило на мгновение оставить машину на улице, успевали за это время отломать эмблему, а в фирменном исполнении она стоила не менее полутора сотен баксов. Зеки же приноровились изготавливать их из нержавейки. Такие можно было вырвать лишь с частью капота. Цена же, два килограмма чая (четыре пакета!), за час-другой работы, казалась зекам чуть ли не запредельной. Другое дело, что обладателям иномарок Акимыч сплавлял их за те же сто пятьдесят зеленых.

– Передам. – пообещал Кулин. – А с оплатой как?

– Как обычно. Четверть щас, остальное – как привезешь.

– Лады.

Такую схему завсклад отработал давно. Аванса с лихвой хватало на оплату работяг, а категория «остальное» целиком уходила в пользу маклера, в данном случае, Куля. Единственная сложность состояла в переправке в монастырь средств оплаты. Ведь за этот заказ Николаю пришлось бы нелегально переправлять в лагерь целых полцентнера чая – вещь почти нереальная. Но зеки брали чайный эквивалент и деньгами.

Акимыч всунул в ладонь Кулина свернутую в трубочку пачку банкнот:

– Должно хватить.

Николай, не пересчитывая, спрятал деньги. Завскладу он доверял, зная, что тому не выгодно жульничать. Вот смошенничать при определении цены – другое дело. Но цены уже устоялись и канал зона-воля работал без перерывов.

– У меня тут тоже заказец... – Николай обнажил в улыбке верхний ряд зубов.

– Давай.

Ознакомившись со списком, Акимыч закатил глаза, пошевелил губами и сообщил в какую сумму все это обойдется. Сумма лишь немного расходилась с той, которой располагал бесконвойник.

– Не ошибся? – с ехидцей спросил Николай.

– Разве что децил. – копируя выражение на лице зека ухмыльнулся завсклад.

В эту своеобразную игру Акимыч и Куль играли с самого первого дня знакомства. Тогда, полгода назад, магазинный работник действительно невольно ошибся. Николай указал ему на это, и недоразумение, казалось, было забыто. Но с тех пор Акимыч специально то завышал, то занижал стоимость зековского заказа. Словно таким странным способом проверяя бесконвойника на честность. Естественно, проигравших здесь не было.

– Тады, скинь пятерочку – и в расчете. – Кулин передал завскладу хилую стопочку зековских башлей.

Ездка в зону прошла совершенно спокойно. Прапорщик Сергиенко, тот самый, что сопровождал бесконвойников на работы, дежурил на вахте и лишь мельком глянул на накладную. Не отягощая себя шмоном грузовика, Серый махнул рукой солдату на кнопке:

– Открывай!

Железные ворота съехали вбок, открывая недлинный тоннель в монастырской стене. Раньше, по слухам, здесь находился подъемный мост, но Николай этому не верил. Подобные сооружения были бы уместны в замках, но никак не в монастырях, тем паче, женских.

Вторые ворота растворились лишь когда внешние встали на прежнее место. Куль газанул и грузовик въехал на монастырский плац. Пищеблок находился в тридцати метрах от вахты. Николай резво развернулся и подал машину задом к дверям в продуктовый склад.

После первого же гудка к машине выскочил пацан посудомойщик в мокром насквозь белом фартуке.

– Главбаланду зови. – приказал ему Куль и пацан исчез с такой же скоростью, как и появился.

Главбаландой за глаза звали старшего повара Игоря Топлякова. Кличка у него, естественно, была Топляк. Меньше чем через минуту появился и он сам. В белоснежном фартуке, одетом поверх иссиня-черной милюстриновой робы, старший повар с достоинством прошествовал к стоящему у кабины Кулю. Они обменялись рукопожатием.

– Чего привез?

– Как обычно. – Николай протянул накладную. Главбаланда внимательно ее прочитал, потом сплюнул:

– Опять считай что ни хрена!

– Сколько «партизаны» от щедрот... – невесело усмехнулся Николай. – Там, кстати, кое-что и для наших...

– Много? – недовольно спросил Игорь. Хотя ревизии в пищеблоке практически не проводились, все же была опасность обнаружения прапорами не оприходованных продуктов.

– Ящик чая, одна пол-литра и по мелочи.

– Ящик?! – насутился Топляк. – А не обопьетесь?

– Так вся бригада скинулась. А вечером, как всегда, заберем.

– Ох, подведете, братва, меня под монастырь!

– А ты, Топляк, вокруг оглянись. Итак в монастыре...

Такие беззлобные перепалки Главбаланда вел лишь когда у него было хорошее настроение. Во всех остальных случаях он просто назначал цену за сохранение и приказывал разгружать. На этот раз, он наверняка был в курсе, что «мелочь» типа копченой колбасы и шоколадных конфет предназначалась на послезавтрашний откидон. И, согласившись бесплатно сохранить эти продукты, тем самым намекал, что претендует на звание особо приглашенного.

Впрочем, Кулю это было без разницы. Освобождался-то все равно не он.

Уже резвые посудомои и баландеры таскали и скидывали в открытый люк мешки с картошкой, луком, сгружали картонки с горохом и кашами, а Главбаланда все не уходил, наблюдая за разгрузкой.

– Ты, кстати, новость слышал? – созерцая как вытягивается из кузова очередная коробка с перловкой спросил Топляк.

– Смотря какую... – Николай стоял, опершись о стену столовки.

– Что одного зека из восьмого мочканули.

– С утра базар ходил, что сам с крыши прыгнул...

– Порожняк. – веско отрезал Топляк. – Скинули его. Лепила вскрытие делал и шнырям санчасти проболтался. Его сперва отметили, а потом живого на решку сбросили.

– А косяков, случаем, за ним не числилось?

– Нет. Жил мужиком. Токарил на промке.

– Тогда это беспредел. – определил свое отношение Кулин.

– Он самый. – хитро улыбнулся старший повар. – Тут блатные вечером сходняк собирают. По слухам, хотят зону на отказ поставить.

Последняя фраза означала, что воровские авторитеты почти договорились до того, чтобы сагитировать мужиков отказаться от работы. Это была единственная форма массового протеста, которая реально имела шанс повлиять на администрацию колонии. Другое дело, чего конкретно хотели добиться «шерстяные», подбивая мужиков не ходить на промку? И будет ли это касаться бесконвойников?

Возвращаясь в колхоз, Николай специально притормозил у ровняющих дорогу бесконвойников и рассказал все то, что удалось узнать от Главбаланды. Зеки понуро замолчали, переваривая информацию.

– Ты погодь, – Сапрунов, семейник Куля, стоял, опершись на лопату и внимательно рассматривал что-то у ее черенка, – если блатари скажут: «Всем в отказ», то и мы должны. А это голимое нарушение. И тадыть – прощай «удочка», прощай «химия». Кум в момент из первого отряда вышибет!

– Вышибет. – согласились зеки.

– Так как же быть? С братвой, или за свою шкуру?

На этот вопрос никто из бесконвойников не решился дать однозначного ответа. Все загалдели, заголосили, приводя какие-то аргументы и за, и против. Дед Пахомыч, разбуженный гвалтом, громогласно прокашлялся, обматерил всех многоэтажной конструкцией и завалился обратно. Караулить во сне.

Весь остаток рабочего дня Николай пытался решить эту дилемму и никак не мог прийти к определенному мнению. С одной стороны, он это прекрасно понимал, если он пойдет бычить на хозяина, то бишь, против авторитетов, не ровен час, после откидки его на вокзале будет ждать парочка парней, а на железнодорожной насыпи появится еще одно неопознанное тело. С другой стороны, замполит обещал выставить его, Кулина, на «удочку», условно-досрочное освобождение. А до срока, когда можно подать на него заявление осталось всего ничего. Две трети отсидки уже на носу. Осталось одиннадцать дней.

Прикидывая так и сяк, Николай колесил по весенним колхозным магистралям. К пяти часам, сдав одновременно с Мотылем свои средства передвижения и работы вечно веселому Мирону, Куль присоединился к остальным бесконвойникам, уже ожидавшим автобуса у здания правления колхоза «Хумский партизан».

Через двадцать минут Кулин, уже проходя через шмон, вспомнил, что так и не заехал к Ксении, хотя и обещал.

7. Ужин, базары блатных.

Перед ужином в шестом отряде все стояло на ушах. Мужики прослышали, что Крапчатый, вор в законе, чьему слову подчинялась вся зона-монастырь, созывает сходняк. Простым зекам не по масти было встречать в блатные разборки, которые могли кончиться прибитием прапоров и малоприятной беседой на вахте, и поэтому они старались переместиться или в соседнюю секцию, или в комнату ПВР, или в клуб. Остались лишь те, кому все было до фени, черти да шестерки, или считающие себя приблатненными.

Четыре двухъярусных шконки составили квадратом, оставив проход внутрь этого сооружения, занавесили простынями. Личный шестерка Крапчатого по прозвищу Доктор, работавший до закабаления где-то в медицине, составил стол из четырех табуреток, накрыл его скатертью в горошек, и теперь на этой постройке, Доктор постарался, чтобы она не была шаткой, стояли тарелки с нарезанным белым хлебом, ломтями ветчины, колбасы и сыра. На одной из шконок, прикрытые стопой подушек, парились три банки «индюхи». Все это, и сам факт наличия угощения, и сама обстановка, должны были показать приглашенным, что сегодня от них зависит очень важное решение.

Сам Крапчатый, мужчина лет пятидесяти пяти, уже полностью седой, бледный, с многочисленными следами оспы на лице, которое от них не утратило какую-то извечную привлекательность, сидел на шконке и задумчиво курил «Camel», стряхивая пепел в стоящую рядом хрустальную черепашку. Вор в законе только недавно поднялся из БУРа, Барака усиленного режима, где провел последние полгода и сейчас перед ним стояла задача поставить на место подраспустившихся за время его отсутствия блатных и, заодно, определиться с инициативой Свата.

Сват, блатной третьего отряда, как только узнал, что зек, которого нашли сегодня с утра нанизанным на прутья решки, не побегушник, а жертва каких-то разборок, поднял в отряде кипиш и стал призывать зеков не выходить на работу, пока кум не найдет убийцу. С одной стороны, Крапчатый был полностью за. По воровскому закону лишь он один мог в этом лагере карать и миловать. И убийство непонятно в чем повинного мужика, которое прошло мимо Крапчатого подрывало его авторитет, и заставляло немедленно действовать. И, кстати, не бунтом, это могло привести лишь к одному финалу – расформированию зоны, а показательной казнью убийц. Но, с другой стороны, Сват апеллировал к администрации, словно и не было на зоне хозяина из воров. Такое поведение тоже требовало адекватной реакции. И, именно из-за этого косяка, Крапчатый уже не мог поставить мужиков на отказ от работы.

Напротив вора в законе сидел осужденный Алексей Жданович Снегов по кличке Колесо. Он являлся чем-то типа заместителя Крапчатого и в его отсутствие держал отряд и лагерный общак. Однако, на всю зону-монастырь его влияния не хватало. Колесо был молод и благовал из-за наличия крепких кулаков, поверхностного знания карате и хронического лентяйства. Других положительных качеств у него не наблюдалось. Лёшку Снегова Крапчатый терпел лишь из-за того, что при Колесе зеки чуть ли не выли, страдая от притеснений на грани беспредела и лишь когда в отряде появлялся вор в законе, все устаканивалось. Крапчатый при всех журил Снегова, после чего зеки могли какое-то время пожить спокойно. До тех пор, пока куму не приходило в голову вновь закрыть авторитета.

Постепенно стали подтягиваться отрицалово и из других отрядов. Первым появился Репей из девятого отряда. Он громогласно поприветствовал Крапчатого, обменялся с ним крепким рукопожатием и молча сел курить, дожидаясь остальных членов сходняка.

В принципе, в каждом отряде, кроме первого, кумовского, который все равно давал на общак, и немало, было по одному-двое «официальных» блатных. Если количество прин-

ципиальных нелюбителей работы на хозяина и приверженцев воровских понятий превышало это число, Лакшин, чтобы не портить отчетность, устраивал их в больничку, на вечную койку, или на «блатные» должности. Так отрицательно становились бригадирами, помощниками бригадиров, шнырями, завхозами. На всех этих работах требовалось умение управлять людьми, но на это шерстяные шли с большей охотой, нежели на отсидку в ШИЗО или БУРе.

К этому моменту на зоне блатарей было только пятеро. Остальные подкармливались регулярными гревами в шизняке или БУРе. Но на сходняк были приглашены и представители восьмого отряда, завхоз Котел и его шныри, Шмасть и Пепел. Кроме них обязан был прийти Пятнадцать Суток, шнырь ШИЗО, которому сидевшие там шерстяные передали свои малявы с мнениями.

Если утром Крапчатый хотел сперва разобраться со шнырями и завхозом восьмого, то сейчас более срочных действий требовал Сват. Когда тот появился, вор в законе преувеличенно радостно поприветствовал блатного. Тот, не напрягся, не почувствовал подвоха, что окончательно решило его судьбу.

– Доктор, – позвал Крапчатый когда в сборе были уже все, – А не пропишешь ли ты нам чайку?

– С удовольствием. – без лишнего подобострастия, но предельно уважительно отозвался шестерка. Он моментально раздал стаканы, разлил по ним заварку, первой наполнив емкость Крапчатого.

Котел, который впервые присутствовал на такой сходке, чувствовал себя крайне неуютно. Почти все лица здесь были незнакомыми, и на каждом из них, словно глубоким резцом, была выдавлена печать безжалостности. Завхоз каким-то шестым чувством понял, что здесь собрались люди, обладающие немалой властью и привыкшие эту власть применять не раздумывая.

– Мужики, – разнесся по секции голос завхоза шестого отряда, – Выходим на ужин!

– Это не нам. – расхохотался Колесо. – У нас тут все свое...

Чай уже давно был в хапчиках, но никто не пил, ожидая, пока первый глоток сделает Крапчатый. Он же, желая внести некоторое напряжение, все крутил стакан в пальцах, не спеша отпивать. Молчание тягостно затянулось и когда вор в законе почувствовал, что наступил некий предел, он сделал небольшой глоток и предложил:

– Ну что вы, братаны, угощайтесь с воровского общака.

– Я тут такой сеанс словил! – Лешка Снегов чувствовал себя вольготнее других и тут же пустился в описание каких-то своих приключений. Мало-помалу языки развязались. Чай, бутерброды как на воле, сделали свое дело.

Крапчатый тоже принимал участие в общем базаре, но не забывал следить и за всеми. Вот завхоз восьмого. Котел. По морде простоват, но хлеб берет с оглядкой, кладет на него по одному ломтю закуси. Жрет, правда, жадно, противно. Такой не рожден командовать. Вечный подчиненный. А вот старый знакомый. Шмасть. Пьет, ест, говорит, все аккуратно, не прицепишься. Вот кто масть держит в восьмом. А что на вторых ролях, что шнырь, так это удобнее. Спросу меньше.

– Ты, Сват, говорили, мужиков на отказ подбивал? – в самый разгар какой-то эротической истории Колеса спросил вдруг Крапчатый. Все разом затихли, лишь Снегов продолжал хохотать над собственной шуткой. Но недолго.

– Да. – Сват кивнул и дважды отхлебнул из стакана. Он не чувствовал за собой никакой вины. То ли в силу заднего ума, то ли из-за излишней хитрости. Это-то и хотел выяснить зековский авторитет.

– А почему?

– Как почему? – блатной поставил хапчик и развел руками, – В зоне беспредел. Мочат кого попало. Кто, почему, никто не при делах! Кончать с этим надо!

– Это правильно. – веско кивнул Крапчатый. – С беспределом надо кончать.

Повисла очередная пауза. На лице Свата было написано, что он до сих пор не понимает, что беспредельщик в данном случае он сам.

– Кстати, а как кончать? – продолжил вор в законе, – Может, давай, мы тебя в воры выдвинем? Будешь с беспределом бороться. При помощи кума.

Сват побледнел и лихорадочно глотнул заварки.

– Да я про кума так... Что мол от администрации толку никакого... И вообще, мочить этих ментов надо!

– Придет срок, и ментов всех замочим. – кивнул Крапчатый. – Но базар сейчас ведь не о том. Кто ты такой, чтоб единолично решать – идти мужикам на работу, или нет?

Авторитет слегка привстал и посмотрел на Свата. Тот вжался в шконку и сидел ни жив, ни мертв. Его соседи невольно стали отодвигаться от косячника.

– Ну! Не слышу!.. – злобно прошипел Крапчатый.

– Я... Не должен... Был...

– Понял! – улыбнулся вор в законе. – Видите, братаны, Сват въехал, что негоже присваивать себе мои полномочия.

Сходка дружно закивала.

Теперь, когда вина была признана и доказана, следовало применить санкции. В другом случае, если бы на зоне не было такой нервной обстановки, за подобный косяк виновного всего-навсего должны были бы отправить на промку. Своего рода разжаловать из блатных. Но сейчас Крапчатый просто обязан был поправить свой пошатнувшийся за полгода авторитет, напомнить о своем существовании. И напомнить жестоко, безжалостно. Чтобы об нем вспомнили все, от последнего пидора, до самых прибуревших блатняков. И, заодно, чтобы устрасить тех, кто без соизволения авторитета позволил вершить в зоне суд.

– Слушай, Сват...

Блатной смотрел в пол, не выпуская стакана.

– Ты давно на промке не был?

Свату показалось, что его простили. Он просиял и, ощерившись ровными рядами зубов, ответил:

– Очень давно.

– Там, говорят, – продолжал Крапчатый, – есть такая штука, гильотинные ножницы. Сам, правда, не видел, но братва уверяет что есть.

– Есть. – поскуцнев произнес Сват. Он понял, что если речь зашла об этом станке – то вор в законе, как искупление вины предложит саморуб. То есть засунуть в эти мощные ножницы для резки металла палец, или даже несколько.

– Тогда выйди завтра, так, для разнообразия, на работу, посмотри как они работают. А обратно можешь не приходить.

Это был окончательный приговор.

Теперь, чтобы не стать зачуханным пидором до конца срока, Сват должен был отрубить сам себе голову. Вариантов у бывшего блатного теперь было несколько. Или ломиться на вахту, чтобы кум перевел его на другую зону, куда всенепременнейше отправится малява с приговором, или добровольно отправиться к «девкам», но и там можно не избежать пера в бок, или подчиниться, сохранить честь блатного и совершить самоубийство предписанным способом.

Сват поднялся:

– Прощай, Крапчатый.

– Прощай, Сват. – вор в законе не посмотрел на уходящего, повернувшись к Колесу, – Так что за бабу ты там паялил?

Слегка покачиваясь, разжалованный шерстяной вышел из квадрата, где проходил сходняк. Котел, несмотря на возобновившийся гвалт, прекрасно слышал, как удаляются тяжелые шаги Свата. Завхоз недоумевал, почему человека, призывавшего идти против ненавистных ментов сам Крапчатый вдруг принудил к самоубийству?

– Видишь, Котел, – дождавшись пока стихнет хохот после снеговской истории, сказал вор в законе, – что бывает, когда кто-то слишком высоко залетает? Он лишается головы...

Запомни, братан, у каждого – своя шконка. У пидора – у параша, у блатного – около окна. А моя, – Крапчатый постучал кулаком по своей кровати, – отдельно. Понял?

Исаков, кивнул и отпил чая, чтобы смочить внезапно пересохшее горло.

– Теперь давай с тобой побазарим.

Завхоз почувствовал себя совсем неуютно, особенно в свете недавнего приговора.

– Да что ты менжуешься? – хохотнул Крапчатый. – Ты ведь у своих братанов! Суровых, но справедливых. Я – караю только тех, кто запорол серьезный косяк. У тебя ведь таких нет? – и вор в законе вопросительно приподнял брови.

– Только этот... – Котел щелкнул по нашивке на левом рукаве.

– Да ты шутник! – непритворно весело рассмеялся Крапчатый. И ему стала вторить вся сходка.

Когда веселье приутихло, авторитет разом стер с лица все признаки того, что оно еще мгновение назад способно было нести на себе улыбку.

– Теперь ты, Котел, расскажешь мне все что тебе известно про это убийство. – сурово приказал Крапчатый.

Исаков пожал плечами. Он знал, зачем именно его пригласили на сходку, даже заготовил что-то типа речи, мысленно выстроив все необходимые фразы. Но сейчас, когда пришла пора говорить, все эти конструкции разом выветрились из его головы. Игорь тоскливо взглянул на Шмасть, который тут же сделал вид, что его это не касается. И Котел решил говорить как есть, не заботясь о красивостях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.